

Владимир Гриневицкий

ОТКРОВЕНИЕ БОГА
ТОМ I

Владимир Гриневецкий
Откровение Бога. Том I

«Издательские решения»

Гриневицкий В.

Откровение Бога. Том I / В. Гриневицкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837725-9

Откровение Бога — это момент в Библии, когда Бог обращается к человеку. Но это если верить Библии. Откровение Бога — это всё, что вы видите вокруг, каждая молекула всего, что вас окружает: земля, по которой вы ходите, воздух, которым вы дышите, налоги, которые вы платите, каждая частица вас и всего живого. Первый том трилогии, на создание которой ушло 13 лет. Судите строго.

ISBN 978-5-44-837725-9

© Гриневицкий В.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ I	6
Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Откровение Бога

Том I

Владимир Гриневицкий

© Владимир Гриневицкий, 2017

ISBN 978-5-4483-7725-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ I

Глава 1 Брайн кривки

– Война... Война всегда начинается с малого... Например, поводом для начала Первой Мировой войны послужило убийство эрцгерцога Франца Фердинанда сербским националистом в 1914 году. Представляешь? Один человек определил ход мировой истории одним нажатием на спусковой крючок. Несколько граммов свинца положили начало боевым действиям, унёсшим жизни в общей сложности одиннадцати с половиной миллионов мирных жителей и десяти миллионов солдат. Одна искра порождает пожар, который позже охватывает всю планету, раскаляя её, прожигая, как лист бумаги... Понимаешь, о чём я?

Я понимаю, о чём он. Хорошо понимаю. В стрессовой ситуации мозг работает быстрее. Я лишь краем уха улавливаю его слова, но понимаю о чём он, хотя и думаю сейчас не об этом. Думаю о том, что произойдёт через несколько секунд после того, как этот араб, маячащий у меня перед глазами, заткнётся. Я бы и сам заткнул его, если бы мои руки не были примотаны клейкой лентой к подлокотникам старого деревянного кресла. В этой небольшой тёмной комнате, в которой из интерьера только старый диван у дальней стены, небольшой прямоугольный ковёр на полу и это кресло, кроме нас находятся ещё двое. Один у меня за спиной, второй у двери, на входе. Тот, что около меня, в солнцезащитных очках, небритый, короткостриженный, на правом виске небольшой шрам от ожога. Тот, что у двери – лысый тяжеловес, с бородой почти до груди. Оба одеты в чёрные свитера, в серые камуфляжные штаны и в берцы. Оба вооружены. У араба оружия нет, он тут главный, задача остальных – его защищать. Лицо араба мне знакомо – видел его на фотографиях, лица остальных вижу впервые. На диване лежит серебристый кейс, к его ручке пристёгнуты наручники.

Я напуган. Да, мне страшно. Я слегка ёрзаю в кресле, рефлекторно шевелю кистями рук, как бы пытаюсь освободиться. Я понимаю, что не выберусь. Глупо надеяться на спасение, но не надеяться было бы ещё глупее. Да, в этот раз я попался. Это может произойти с каждым, но почему сегодня это произошло именно со мной? Чёртов кейс. В мыслях прокручиваю последние несколько минут до того, как меня приклеили к этому креслу, как школьника, над которым все смеются, к стулу. Несколько минут назад я сидел в местной забегаловке и пил кофе. Я понятия не имел, что этот кофе – мой последний кофе в жизни.

– Секунда времени может решить ход мировой истории, определить судьбы целых держав, – продолжает араб.

Вот именно, чёрт возьми, секунда. Сейчас тоже всё решают секунды. Когда арабу надоест разглагольствовать, он прикажет тому, что стоит у меня за спиной, пристрелить меня. От напряжения у меня сводит всё тело. Запах в этой комнате затхлый, душно, в лучах оранжевого света, прорывающегося сквозь жалюзи на окнах, медленно кружится серая пыль. Мне трудно дышать. В комнате мрачно, с каждым вдохом я чувствую, как часть пыли оседает у меня в горле, отчего я чувствую лёгкое покалывание, ещё часть оседает в моих лёгких. Мысли ураганом прокручиваются у меня в голове. Я чувствую, как лицо начинает потеть. Я поглядываю на кейс, лежащий на диване.

– Для многих мировых лидеров война – это как игра в шахматы. Или в нарды. Называй, как хочешь. Главное здесь – стратегия. Верная стратегия – залог успеха. – Араб подходит ко мне, наклоняется так близко, что я чувствую запах его парфюма. На его лице лёгкая улыбка. Он смотрит мне в глаза, я тут же отвожу взгляд вниз, немного отворачиваясь от него. – А кто

ты в этой игре? – спрашивает он, не отводя глаз. У меня не хватает сил что-то ответить ему. От страха я выдавливаю из себя лишь тяжёлое дыхание.

– Ты никогда не задумывался о том, кто на самом деле те, что послали тебя сюда? – С его губ не сходит эта улыбка, которая создаёт ещё больше напряжения. – Заметь, я даже не спрашиваю о том, кто тебя прислал сюда, мне это не столь важно, я и так это знаю. – Я снова поглядываю на кейс. – Я лишь пытаюсь донести до тебя суть некоторых вещей, о которых ты вряд ли задумывался. – Я захлёбываюсь в собственном страхе. Этот ублюдок нарочно тянет время? Хотя тот запас времени, что у меня остался, едва ли вообще можно назвать «временем». Араб продолжает на меня пялиться. Его карие глаза сверлят меня. Его силуэт навис надо мной. Чего он ждёт?

– Тебе страшно, я знаю, но ничего не поделаешь. Тебе и так это ясно, ты уже всё понял. – Эти слова звучат для меня как приговор. От них по всему моему телу пробегает жар. Это адреналин. Как будто меня кинули в ванну с кипятком. Араб резким движением правой руки касается наушника, от которого отходит чёрный, закручивающийся спиралью и уходящий куда-то под воротник его рубашки провод. – Да, – отчётливо произносит араб, не отводя от моих глаз своего взгляда, – понял. – Не поворачивая головы, араб поднимает глаза на того бойца, что стоит позади меня. – Фургон на месте, пора. – Араб снова смотрит на меня.

– Что ж, пора прощаться. – Лёгкая улыбка на его лице сменилось каким-то выражением сожаления. Он ещё пару секунд смотрит на меня. Я обливаюсь потом, тяжело дышу, понимаю, что это конец. Я начинаю шуриться, как будто меня пронзает острая боль. Араб немного нахмуривается. У меня такое лицо, как будто я вот-вот заплачу, но слёз нет. Араб понимает, что что-то не так, моя реакция на его прощание не такая, какую он привык видеть на лицах пленных за несколько мгновений до того, как им всадят пулю в голову. Он понимает, что эти эмоции на моём лице неспроста.

И он прав.

Неспроста.

– Ещё раз... – еле слышно, почти шёпотом произношу я.

– Что? – араб прищурил глаза.

Страх проходит, жар и напряжение в моём теле спадают. Я немного подаюсь вперёд, лицо араба оказывается в нескольких сантиметрах от моего. Перевожу взгляд, смотрю прямо в его недоумевающие глаза и более отчётливо повторяю:

– Ещё раз...

Глаза араба наливаются страхом. Кажется, он понял, в чём дело.

– Кончай его! – скомандовал он, сделав пару нелепых шагов назад от меня и глядя на бойца, стоявшего у меня за спиной. В глазах у меня начинает всё смазываться, как будто я мчусь куда-то с огромной скоростью.

Из-за спинки кресла появляется боец в маске. Картинка передо мной смазывается ещё больше. Револьвер бойца мигмом оказывается у моего лица. Время замедляется. Я вижу перед собой дуло серебристого револьвера, летающие серые хлопья пыли останавливаются в полёте рядом с ним. Время замедляется с каждым мгновением. Боковым зрением я вижу, как на заднем фоне, за бойцом, араб делает медленные шаги в сторону кейса. Каждый его шаг длиною в год. Вспышка. Свет медленно выползает из дула небольшой струйкой, освещает моё лицо, лицо бойца, стены, всю комнату. Барабан револьвера медленно поворачивается, я слышу раздражающий скрежет его механизма. Вспышка не успевает угаснуть, как пуля медленно вылетает из дула. Время останавливается. Свет от вспышки остаётся гореть и освещать всю комнату как лампочка. Араб застывает в движении, не успев сделать шаг. Пуля останавливается у моего лба.

Стоп. Ещё раз.

Пуля медленно заползает в дуло. Барабан поворачивается в обратную сторону. Вспышку как будто затягивает назад. Свет исчезает, комната снова погружается в полумрак. Боец медленно отдаляется, спиной вперёд он проходит мимо, справа от меня, и скрывается у меня за спиной. Араб возвращается, поворачивается ко мне, делает пару шагов и склоняется у моего лица. Я вижу все действия последних минут в обратной перемотке. Сначала наблюдаю за этим, затем сам повторяю те движения, которые сделал за последние минуты. Араб снова что-то говорит, жестикуют, маячит передо мной. Затем мне на голову надевают мешок, сквозь которой едва видно, что происходит вокруг. Я чувствую, как двое бойцов подходят ко мне, становятся по обе стороны от меня, отматывают клейкую ленту, делая круговые движения вокруг моих рук и подлокотников кресла. Меня поднимают, заводят руки за спину, надевают на них пластмассовый хомут, оба бойца берут меня под руки, и я в полусогнутой позе двигаюсь с ними к выходу. Выходим в коридор, араб остаётся в квартире, сопровождает нас взглядом. Один из бойцов закрывает дверь. В коридоре полумрак, через мешок я совсем ничего не вижу. Мы двигаемся по коридору спиной вперёд ещё метров десять. Затем с моей головы снимают мешок, один из бойцов снимает с моих рук хомут, я развожу руки в стороны, и мне в правую руку возвращается серебристый револьвер. Тот самый, из которого меня только что пытались пристрелить. Тот самый, который я выронил несколько минут назад. Боец, тот, что слева, пятится назад и скрывается за углом, держа в руке хомут. Тот, что справа, прислоняет левую ладонь к моему затылку, я распрямляюсь, правой рукой он бьёт меня в живот, в это мгновение живот пронзает острая боль. После этого боец, так же, как и его приятель, пятится назад и скрывается за углом. Их лиц я не запоминаю, всё происходит слишком быстро. Я продолжаю видеть все действия в обратной перемотке, проживаю последние минуты заново, только задом наперёд. Двигаюсь по мрачному коридору спиной вперёд, мимо мелькают деревянные двери соседних квартир – 35-я, 34-я, 33-я, 32-я... Перехожу на бег, сворачиваю влево, на лестницу, чувствую одышку, усталость. Мелькают лестничные пролёты трёх этажей. На втором ускоряюсь, на первом ускоряюсь ещё сильнее. На каждом из пролётов перепрыгиваю по две-три ступеньки. На первом этаже прячу револьвер за пояс джинсов. Прохладный полумрак коридора резко сменяется ярким светом солнца, я выбегаю на улицу, чувствую, как становится жарко. Сворачиваю направо, оказываюсь в переулке между боковыми сторонами многоэтажных домов. В переулке никого, только три бездомные собаки, которые бегут передо мной также в обратном направлении, одна из них держит в пасти какой-то грязный целлофановый пакет. Я пробегаю мимо открытого мусорного контейнера, собаки останавливаются возле него, одна из них, та, что с пакетом в зубах, запрыгивает в контейнер, кладёт пакет и утыкается в него мордой, две другие останавливаются, затем поворачивают ко мне головы, смотрят испуганно, поворачиваются и начинают что-то вынюхивать на земле. Пробегаю ещё метров пятнадцать. Дверь, через которую я выбежал на улицу, снова распаивается, из коридора спиной вперёд выбегают двое бойцов, следом выбегает араб. Как только он попадает в поле зрения, я снова сворачиваю направо. Араб с бойцами остаются за углом, продолжают бежать. Я оказываюсь на автостоянке, бегу мимо машин, слева от меня автотрасса, по тротуарам в панике бегут прохожие, туристы, кто-то прячется за машинами. Один из туристов из своего укрытия снимает происходящее на камеру сотового телефона, затем резким движением прячет телефон в карман. Я же продолжаю движение в обратной перемотке. Мы все – я, туристы, бойцы, араб, птицы в небе – как на киноплёнке перематываемся назад в прошлое. Я немного сбавляю ход, пригибаюсь, в этот момент на одной из стоящих рядом машин по осколкам собирается и принимает изначальную форму жёлтая табличка «ТАХИ», из неё вылетает пуля. Трещины на табличке тут же затягиваются, заглаживаются, и от пули не остаётся и следа. В этот момент я еле крадусь на полусогнутых ногах. Пуля летит к нулевой отметке, залетает в дуло пистолета одного из бойцов, стреляющего из-за угла дома. Гильза подпрыгивает на земле, затем взлетает, и её засасывает в выбрасыватель пистолета. Боец прячет пистолет в кобуру, разворачивается на сто восемьде-

сят градусов и снова принимается бежать назад. Из-за угла дома показывается ещё один, затем появляется араб. Прохожие переходят на шаг. Все трое выбегают на стоянку. Параллельно им с такой же скоростью по стоянке задним ходом движется тонированный тёмно-зелёный фургон. Я пробегаю ещё несколько метров назад. Тем временем фургон задом сворачивает влево и паркуется между двумя другими машинами. Те трое замедляются около фургона. Дверь фургона открывается, из него выходит человек в чёрном бронежилете, в солнцезащитных очках и с чёрной бородой. Его я вижу впервые. Араб с бойцами переходят на шаг, в один миг все трое смотрят на меня, затем отворачиваются. Это был тот самый момент, когда они меня заметили. Они разворачиваются на 180 градусов, подходят к человеку в бронежилете, араб отстёгивает от своей правой руки и передаёт ему кейс. Я тем временем перехожу на шаг, задним ходом захожу в кафе около стоянки, прохожу пару метров и усаживаюсь за круглый столик, на котором в обратной перемотке уже нагрелась чашка с кофе. Через панорамное окно слева от меня я отлично вижу всё, что творится на стоянке. Вижу, как араб со своими бойцами садится в соседнюю легковую машину и задним ходом уезжает в сторону дома, из которого мы только что выбежали, сворачивает на автотрассу и уходит из поля зрения. Фургон остаётся стоять на месте. Человек в бронежилете забрал кейс с наручниками и снова скрылся внутри, захлопнув дверцу. Ещё несколько секунд на стоянке ничего не происходит.

Я возвращаюсь на исходную позицию, возвращаюсь на нулевую отметку. Время медленно переходит в своё привычное русло, перемотка останавливается. Я снова за столиком кафе с дымящейся чашкой кофе наблюдаю за стоянкой через панорамные окна.

То, что произошло за последние несколько минут, не случайно. Это не дар предвидения. То, что произошло, называется «сеансом». Я смог заглянуть в недалёкое будущее, а потерпев неудачу, вернулся на несколько минут назад и начал «сеанс» заново, чтобы попробовать ещё раз. «Сеанс» даёт возможность второго шанса. На внутренней стороне моего левого предплечья под рукавом находится то, что называют Теория Будущего, – небольшой механизм прямоугольной формы, который придерживается ремнями вокруг руки. От него тонким проводом отходит прозрачное волокно, которое тянется по внутренней стороне руки, заходит за левое плечо, доходит до лопаток и крепится на двух позвонках. Далее по нервным окончаниям Теория Будущего связывается с моим мозгом, воспроизводя в сознании то, что произойдёт в ближайшем будущем. Проще говоря, показывает мне картинку. Теория Будущего, сокращённо ТБ, или, как я его иногда называю, «тэбэшка», была придумана и изобретена пару лет назад учёными как оружие для разведки. Лучшего применения для этого устройства не придумаешь. Второй шанс для бойца, шанс предвидеть ход противника, обойти его, обмануть ещё задолго до того, как он подумает и предпримет какой-либо шаг, обыграть его стратегию. Её, безусловно, можно назвать оружием. Оружие, созданное исключительно для войны, бесценное, которое исключает ошибку.

Иногда я задумываюсь, как работает Теория. Этого мне, конечно же, никто наверняка не скажет, эти сведения засекречены даже для меня – пользователя. Принцип работы пользователя прост – использовать Теорию и выполнять приказы работодателя. Я не люблю термин «начальство», поэтому начальство я называю «работодателями». Я не первый раз применяю Теорию на деле и примерно понял схему. Принцип работы, как и у любой разведки, – сбор информации из самых разных источников, которую позже анализируют и делают выводы. Например, как Теория показала мне, что в последнем сеансе меня схватят? Как увидела то, что не смог рассмотреть пользователь? Здесь всё просто и сложно одновременно. Камеры наблюдения на улицах выявили приближение цели, движущейся по автостраде в легковом автомобиле. Через стекло машины система определила личность того, кто сидит на пассажирском сиденье, за рулём видно ещё одного, его личность не установлена. По расстоянию от заднего крыла до колеса машины система распознала, что на заднем сиденье есть ещё кто-то. В воздухе беспилотник, который воссоздал карту квартала, в котором я находился, и близлежащих улиц,

в сети система нашла планы строительства зданий в этом квартале и нарисовала виртуальную карту местности, каждый коридор, каждую комнату, вплоть до сантиметра. Позже, когда цель оказалась в поле моей видимости, система выявила все возможные места парковки на стоянке. После того, как машина остановилась около тёмно-зелёного фургона и из неё показались трое, система через камеры наблюдения выявила их вооружение, подключилась к их сотовым. Началась прослушка их разговоров. Если разговоров нет, камеры наблюдения и беспилотник не видят их с определённого угла, то система воссоздаёт картинку по звукам. Шорох одежды, шаги и даже дыхание – система фиксирует всё, что может способствовать воссозданию картинки в слепой зоне. Наблюдение через камеры, беспилотник, звуки, возможная траектория движения любого объекта, подробная карта всей местности, состав атмосферы, температура воздуха, его токсичность, процент радиации и ещё множество различных данных – всё это складывается в единую картину, предоставляя возможность с максимальной точностью предвидеть действия того или иного лица и наиболее вероятное развитие событий. Система складывает частицы данных в единый пазл, создаёт общую картину ситуации, которая передаётся на Теорию Будущего. В тот момент, когда меня схватили в коридоре, притащили в ту комнату, система знала, в каком здании и в какой именно комнате я нахожусь. По разговорам араба, по тембру его голоса, по напряжению в моём теле, по всей ситуации в целом Теория показала мне результат сеанса, а точнее, его летальный исход. Она никогда не сможет подсказать верное решение, показать алгоритм правильных действий, она лишь может показать, например, сколько дверей в том коридоре, а выбирать, в какую мне войти, я должен сам. Так работает Теория Будущего.

Сеанс в свою очередь работает немного иначе. Это как сон. Когда человеку снится что-то, он ощущает полный эффект присутствия во сне. Что бы он ни видел, он полностью поглощён сновидением, участвует в нём и принимает происходящее за реальность. Иногда во сне мы видим то, что нас пугает. Например, кошмар, в котором мы падаем с многоэтажного здания, летим вниз с огромной скоростью мимо окон, этажей, и только после того, как разбиваемся о землю, мы просыпаемся. Чувствуем, как колотится сердце, успокаиваем себя, понимаем, что это был всего лишь сон. Иногда бывает так, что, не долетая до земли, мы понимаем, что находимся во сне, и нарочно пытаемся проснуться, чтобы не разбиться. Есть сны, в которых мы зажмуриваемся и хотим немедленно проснуться, начинаем щипать себя, молиться, чтобы это оказалось сном, но сон не заканчивается. Мы не хотим верить в то, что это всё наяву, мы чувствуем безысходность, и этот кошмар длится до тех пор, пока нас не разбудит что-либо или кто-либо, или же мы не проснёмся естественным образом. Сеанс работает так же. Когда меня примотали к креслу, я чувствовал, как близок неминуемый конец. Все эмоции – страх, отчаяние, сожаление – я чувствовал в полной мере. Когда я нахожусь в процессе сеанса, я не осознаю этого. Все свои действия, верные и неверные, я совершаю, считая их реальными, а какие из них были верными, а какие нет, я осознаю только после сеанса. Практически нельзя совершенно точно определить, находится человек на сеансе Теории Будущего или же это реальность, потому что реальность от сеанса ничем не отличается. Когда я находился там, в той комнате, я был в напряжении, чувствовал, как на лице выступал пот, чувствовал страх, не хотел верить, что это наяву, пытался зажмуриться, готов был заплакать, лишь бы это оказалось сном, и в конце концов осознав, что нахожусь на сеансе, отмотал его в самое начало. На самом деле меня там и не было, система показала мне лишь один из вариантов будущего. Сложив все данные, всю информацию, выявила его теорию.

Теория Будущего работает автономно, независимо от чего-либо, система сама подключается к любым сетям, оттуда скачивает информацию о том месте, где я нахожусь – карту, планы зданий, снимки с камер. «Высасывает» максимум информации из всех возможных ресурсов. Независимость Теории от какого-то одного центра или сервера позволяет ей быть не взломанной, тем самым никто не сможет её обмануть, подтасовав данные.

Иногда мне кажется, что разница между сеансом и реальностью всё же есть, мне сложно это понять, но на сеансе я как будто что-то чувствую, или наоборот, ощущаю, что не хватает одного из основных чувств. До этого дня я использовал Теорию всего два раза. Пара простых заданий для новичка – проследить за объектом, попытаться разузнать информацию, ничего сложного. Мне сказали, что это было лишь испытание Теории, воссоздание ситуации для тренировки пользователя. Так мне сказали они. Они – Союз Девяти. Так они себя называют.

Полгода назад я даже ничего не слышал о них, понятия не имел об их существовании. Я и сейчас мало что о них знаю, мне лишь предложили работу. Как я попал к ним? Меня выбрали. Так мне тоже сказали. Всё, что я знаю о своих работодателях, это то, что они занимаются внедрением новых технологий в общество, что якобы у них благие намерения, что, работая с ними, я принесу гораздо больше пользы обществу, нежели работая на своей прежней работе. Иногда я задумываюсь о той цепочке событий, которая меня привела к тому, что сейчас меня окружает. Полгода назад я был клерком в небольшой строительной фирме, офисным планктоном. А теперь в моих руках абсолютное оружие, способное изменить судьбы многих, если использовать его на благо общества. Да, всё было как было, но всё стало как стало. Я не слишком часто вспоминаю о той, прошлой жизни. Да и была ли она, та жизнь?

И тем не менее я сейчас там, где оказался, благодаря той самой цепочке событий. Кувейт, Эль-Кувейт. Кафе Palm Palace, почти окраина столицы. Я за круглым столиком, с горячей чашкой кофе, наблюдаю через панорамные окна за стоянкой напротив. Моя цель – тот самый араб. Его имя Адиль Миннияр, 34 года, родом из Дамаска. Основной род его деятельности – это торговля информацией, а также торговля оружием со странами Ближнего Востока. Проявил себя ещё в юном возрасте во время первой палестинской интифады. По данным из других источников, здесь должна произойти передача того самого кейса, который, как я понял из сеанса, прикован к руке того, кто сейчас находится в том самом фургоне на стоянке. Моя задача – перехватить его, не дать тому, что находится в кейсе, попасть в руки Адила. Что в нём находится, меня не волнует, моя задача завладеть им и передать его своим работодателям.

Я одет как обычный турист – синяя бейсболка, солнцезащитные очки, спортивная чёрная кофта, джинсы. Стараюсь не выдать себя. Пытаюсь не нервничать, внушить себе, что тот сеанс был просто сеансом, что в этот раз я буду осторожнее, в этот раз попробую обойтись без пули в лоб.

Адиль ещё не приехал, я жду и пытаюсь придумать, что буду делать в этот раз, планирую алгоритм действий.

Звонит сотовый. Правый карман моих джинсов начинает вибрировать. Достая телефон, на экране высвечивается три буквы – «Док». Мой куратор. Я нажимаю кнопку приёма вызова, прикладывая телефон к правому уху.

– Да.

– Брайн, надень гарнитуру, которую я тебе дал, я буду тебя вести, – отвечает Док. Не знаю почему, но его задорный голос меня немного успокаивает.

– Хорошо, – соглашаюсь я, – но думаю, не понадобится, кейс в тёмно-зелёном фургоне, квартира Адила в соседнем здании, четвёртый этаж.

– Э-э-э... откуда ты знаешь? Ты это уже видел? – в голосе Дока звучит удивление вперемешку с восторгом. – Ты уже был на сеансе? Это действительно работает?!

– Да, был, и да, работает, – неохотно отвечаю я, зная, что Док начнёт расспрашивать ещё больше. Теория Будущего всегда завораживала его, сам разговор о том, что я буду её пользователем, вызывал у него какую-то детскую радость.

– И как всё прошло? Что ты видел?!

– Мне пустили пулю в голову. Док, если я тебе это рассказываю, то логично подумать, что сеанс был неудачным!

– Ладно, расскажешь при встрече. Подключай гарнитуру, чтобы не отвлекаться на сотовый, в случае чего я буду твоими глазами с воздуха.

Я достаю из кармана беспроводную гарнитуру, прикрепляю её на правое ухо. Прячу сотовый в карман.

– Как слышно? – спрашиваю я Дока.

– Отлично. Когда появится Адиль, доложи мне, я просканирую его автомобиль, проверю, сколько людей с ним.

– Док, я и так это знаю! – нервно отвечаю я.

– Да, да, я постоянно забываю. Чёрт, это ты пользователь крутой штуки, которая предсказывает будущее, не я, я никак не могу привыкнуть к тому, что ты всё знаешь наперёд. – Док выдерживает паузу, – Постой, если ты уже отмотал один сеанс назад, то этот разговор уже был.

– Да, ты надоедаешь мне своими расспросами уже второй раз, Док.

– И как мне, по-твоему, к этому привыкнуть?

– Никак, Док, помолчи. Просто помолчи. Я пытаюсь сосредоточиться. Адиль вот-вот появится.

– О'кей, Брайн, режим тишины. Если что-то всё-таки понадобится, говори. Я наблюдаю за тобой.

Я ничего не отвечаю Доку. Посматриваю на стоянку, потрясываю ногой под столом. К чашке ни разу не притронулся. Я понимаю, что со стороны моя маскировка никчёмная.

В конце стоянки появляется машина Адилы. От волнения я откидываюсь на спинку стула, делаю глубокий вдох. Я чувствую, что мне вот-вот предстоит пройти через всё это ещё раз.

Машина поворачивает к фургону, паркуется около него. Я понимаю, что у меня есть всего несколько секунд, чтобы придумать, как действовать в этот раз. Проходит мгновение. Затем ещё одно. Я принял решение, представил алгоритм действий. Нажимаю кнопку. Я чувствую всплеск адреналина. Я встаю из-за столика. Первые шаги даются мне с трудом. Прохожу несколько метров в сторону стеклянной двери кафе. Через неё вижу, как Адилу уже передают кейс, он пристёгивает его наручниками к своей правой руке. На того, кто был в фургоне, я не обращаю внимания, всё моё внимание направлено на Адилу. Я тем временем выхожу на улицу. Адиль в сопровождении двух бойцов двигается в сторону того дома, в котором мы уже были на прошлом сеансе. Я понимаю, что не могу допустить повторения ситуации. Перехожу на бег. Выбегаю прямо на них, своим топотом выдаю себя, все трое оглядываются в мою сторону. Я резким движением завожу правую руку за спину, вытаскиваю револьвер. Оба бойца реагируют мгновенно. Один прикрывает собой Адилу, другой тянется к кобуре на поясе. Я успеваю прицелиться первым. Сильный хлопок, и пуля попадает прямо в голову первому бойцу, он падает на месте. Адиль ошеломлённо смотрит на него сверху вниз. Минус проблема. Второй уже заносит обе руки, держа в них пистолет, целится в мою сторону. Второй выстрел я произвожу следом за первым, и второй боец падает замертво. Минус вторая проблема. Адиль не успевает опомниться, рефлекторно поворачивается в обратную сторону и, размахивая кейсом, начинает убегать. Я, не сбавляя шаг, бегу вслед за ним. На дальней стороне улицы я слышу испуганные крики туристов, начинается суматоха. Адиль сворачивает на автотрассу, на несколько секунд скрывается из моего поля зрения за припаркованными на стоянке машинами. Я слышу со стороны автотрассы сигналы машин, звуки торможения колёс. Несколько секунд, и я выбегаю на автотрассу. За эти короткие секунды на дороге образовалась небольшая пробка с обеих сторон движения. Замечаю, как около одной из машин на асфальте лежит девушка, дверь машины со стороны водителя захлопывается, и автомобиль с пробуксовкой трогается с места.

– Брайн, он на белом «пежо», номер 318027, – голос Дока в наушнике звучит для меня на заднем фоне, я еле слышу его, я и сам прекрасно вижу всю ситуацию.

– Да! Я вижу! Следуй за ним по воздуху! – громко отвечаю я. В моём голосе чувствуется одышка.

Среди десятка машин, шума сигналов, криков и воплей испуганных прохожих я пробегаю мимо девушки, лежащей на дороге, подбегаю к ближайшему автомобилю, резким движением открываю дверь голубого внедорожника, нацеливаю револьвер на голову водителя, левой рукой хватаю водителя за рубашку, выбрасываю его на дорогу. Тот с воплями поднимает руки вверх и, не поднимая головы, падает на колени.

– Брайн, быстрее, он уходит! – Док в моём наушнике подгоняет меня.

Я резко переключаю передачу, нажимаю педаль газа до упора, внедорожник со свистом трогается с места.

– Док, я на голубом внедорожнике, веди меня!

– Да, я вижу! Я вижу тебя! Расстояние сто шестьдесят метров и увеличивается! Брайн, быстрее!

Я набираю скорость до ста за несколько секунд, мчусь по автостраде, лавируя между другими машинами, съезжаю на встречную, вынуждая другие машины уступать, съезжать на обочину, раздражённо сигнали мне. Машина Адила уже в пятидесяти метрах от меня, она оставляет облака пыли за собой, виляет, её едва не заносит на тротуар. Внезапно она сворачивает направо и скрывается в переулке.

– Брайн, двадцать метров, направо, частный сектор!

Я сворачиваю следом в узкий переулок, меня заносит, задним крылом я сношу мусорный бак. Кое-как вписавшись в поворот, я переключаю передачу, жму на газ, с пробуксовкой гоню по переулку, едва удерживая руль. Переулок всего на несколько сантиметров шире внедорожника. В конце переулка облако пыли, за ним невозможно что-либо разглядеть.

– Брайн, четыре метра!

Я ничего не отвечаю Доку, на полном ходу въезжаю в облако пыли и тут же врезаюсь во что-то большое и тяжёлое. От удара раскрываются подушки безопасности, мотор глохнет. Я остаюсь в сознании, чувствую звон в ушах и сильную боль в голове, в глазах всё расплывается. Несколько секунд я пытаюсь сконцентрироваться, открываю дверь, пыль вокруг немного рассеивается, я прищуриваюсь и пытаюсь разглядеть, во что я врезался. Это угнанный автомобиль Адила. Внедорожник впечатался ему в багажник с такой силой, что у обеих машин вылетели стёкла. От удара у меня немного двоится в глазах. Медленно, немного покачиваясь, я нацеливаю револьвер в сторону открытой водительской двери белого «пежо». Подхожу ближе. За рулём пусто.

– Брайн, всё, он ушёл. Я не вижу его.

Я опускаю револьвер, задираю голову вверх, пытаюсь отдышаться. Меня штормит. Я понимаю, что упустил Адила. Нет смысла кидаться в стороны, искать его, он мог уйти куда угодно. Ещё раз.

– Стой, Брайн, я вижу его! Дом слева от тебя, дверь, три метра! – слова Дока немного взбадривают меня.

Сквозь ещё не развеявшуюся пыль я прохожу вдоль стены дома мимо белого «пежо», перехожу на бег. Слева открытая дверь. Вбегаю внутрь. За дверью что-то вроде подземного гаража, на окнах колышется на ветру прозрачный целлофан, немного мрачно, прохладно, пахнет сыростью. Внезапно я слышу какой-то шорох справа от меня, едва успеваю оглянуться, как получаю сильный удар серебристым кейсом по виску. Удар сбивает меня с ног, револьвер вылетает из рук, но я всё ещё в сознании. На пару мгновений я слепну, перед глазами белая пелена. Лёжа на лопатках, я приподнимаю голову, пытаюсь проморгаться, хватаюсь правой рукой за висок, зрение постепенно возвращается. Переворачиваюсь лицом к полу, встаю на четвереньки. Сквозь помутнение в глазах я вижу Адила. В эту секунду я почему-то обращаю внимание на серебристый кейс, точнее, на выпуклый, размером со спичечный коробок, сим-

вол на нём. Красная роза, обвивающая распятыё. Я предпринимаю попытку подняться на ноги, но мне хватает сил только на то, чтобы повернуть голову в сторону Адила. Он не убегает, даже не пытается добить меня, просто стоит в паре метров от меня и наблюдает за моей беспомощностью. Затем он делает пару шагов ко мне, наклоняется и смотрит мне прямо в глаза. Его ухаженное молодое лицо расплывается передо мной.

– Не ходи за мной! – говорит он. – Ты думаешь, я не знаю, что тебе нужно? Ты станешь угрозой для Союза, завладев этим кейсом!

Его слова не укладываются у меня в голове. Откуда он знает про Союз Девяти?

– Когда вернёшься назад, – продолжает он, – беги! Беги куда угодно, уноси ноги!

– В смысле – вернись обратно? – спрашиваю я, – откуда тебе известно о Союзе? – Каждое слово даётся мне с большим трудом.

Тем временем Адиль поднимает с пола мой револьвер. Подходит обратно ко мне, снова склоняется надо мной.

– Ты сейчас находишься на сеансе Теории Будущего, – продолжает он. Когда вернёшься обратно – беги!

В это мгновение мне становится хуже, я вот-вот потеряю сознание. Я опускаю голову к полу и пытаюсь не отключиться.

– Откуда тебе всё это известно?! – почти с криком спрашиваю я.

– Мне известно многое. Посмотри на меня.

Я с трудом поворачиваю голову в сторону Адила, поднимаю глаза на него и в ту же секунду получаю пулю в голову.

Кафе. Столик. Кофе.

То, что только что произошло, не укладывается у меня в голове. Как он узнал, что я нахожусь на сеансе? И раз ему было известно это, то он знал и то, что я буду делать. Вот что его испугало на первом сеансе: он понял, что я пользователь Теории, и приказал пристрелить меня, пока я не вернулся обратно. Он рассчитал все свои действия, обыграл меня. Я резко отодвигаю стул и вскакиваю из-за столика. Кофе в чашке от встряски слегка проливается. Звонок на сотовый. Правый карман начинает вибрировать, я не обращаю на него внимания. Я ошеломлён случившимся. Мне требуется мгновение, чтобы придумать новый план действий. Я в спешке открываю стеклянную дверь кафе, выхожу на парковку, перехожу на бег и что есть сил бегу к тёмно-зелёному фургону. По пути я расстёгиваю спортивную кофту, держу её в левой руке, правой достаю револьвер и плотно обматываю его кофтой. Оказавшись около фургона, я резко открываю боковую дверь, она с шумом отъезжает вправо. Темнота в салоне сразу же озаряется ярким дневным светом. Внутри куча электроники, мониторы, провода, записывающие приборы и прочее. Справа, из глубины салона, с ужасом от неожиданности происходящего на меня оглядывается человек в чёрном бронежилете. Я направляю обмотанный кофтой револьвер в его сторону, целюсь ему в голову. Он не успевает ничего сообразить, как я произвожу выстрел. Кофта срабатывает как глушитель, выстрел звучит как очень глухой хлопок. Человек в бронежилете падает замертво лицом в пол. Я влезая в салон и пытаюсь взять кейс. Он пристёгнут к левой руке бойца наручниками. Прикладываю обмотанный револьвер к одному из звеньев, жму на спусковой крючок. Пуля глухим хлопком пробивает цепочку и пробивает дно фургона. Я скидываю кофту, оставляю её в фургоне, хватаю кейс и снова бегу по стоянке в сторону того дома, где я был на первом сеансе. У меня примерно полминуты до появления Адила. Телефон снова вибрирует у меня в кармане. Я забегаю за угол, размахивая кейсом, подбегаю к мусорному контейнеру, снова спугнув собак. Забегаю за контейнер, кладу кейс на землю выпуклым символом вверх. Несколько мгновений пытаюсь рассмотреть его поближе. Распятыё, обвиваемое вокруг красной розой. Такой я вижу впервые, его значение мне неизвестно. Но самое главное, что кейс у меня. Задача выполнена, у меня в запасе ещё немного времени, чтобы обратиться до приезда Адила. Пытаюсь восстановить дыхание.

Телефон снова вибрирует в кармане. Я достаю гарнитуру, вставляю её в правое ухо. Отвечаю на вызов.

– Да.

– Брайн, что происходит? Я вижу тебя с воздуха, ты забрал кейс?! – голос Дока звучит взволнованно.

– Да, он у меня, – я отвечаю с одышкой и пытаюсь изобразить лёгкую улыбку. Я действительно доволен проделанной работой. Да, не обошлось без жертв, но это издержки.

– Брайн, Союз объявил тебя целью! Ты стал целью сразу же, как только взял в руки кейс! Что происходит?! – в голосе Дока слышны ноты отчаяния.

– Что? Док, повтори!

– Ты цель, Брайн! Ты первостепенная цель, на тебя направлены несколько спящих агентов в Кувейте!

– Что ты такое говоришь? Что за бред? С чего вдруг Союзу объявлять охоту на меня? Я достал этот чёртов кейс для них! Это какая-то ошибка!

– Я сам не хочу в это верить, но за тобой наблюдают отовсюду, ты – приоритет!

Я пытаюсь думать. Пытаюсь выстроить логическую цепочку событий, пытаюсь понять причины произошедшего. Логика нет. Никакой. Получается, главная причина – этот кейс. Сам факт того, что я взял его в руки, означает, что я автоматически стал целью для Союза Девяти. Получается, что они готовы пожертвовать всем и избавиться от любого ради кейса. Готовы избавиться от меня. Что же в нём находится?

– Док, будь на связи.

Я делаю пару шагов в сторону кейса, разворачиваю его рукояткой к себе. Пытаюсь открыть его. Замок с шифром. Ну ещё бы! Но мне нужно знать, что в нём, знать, из-за чего меня объявили целью, знать, во что я ввязался. Мне нужны ответы, а они есть только у одного человека – Адилья. Я прокручиваю его слова в голове, понимаю, что ему известно гораздо больше, чем мне, о Союзе, о том, что в этом кейсе. Продумываю свои дальнейшие действия и понимаю, что мне не выбраться самому. Если сбегу и спрячусь с кейсом, Союз меня отследит. Оставлю кейс и сбегу – то же самое. Единственный, кому удавалось уходить от преследования Союза, это Адиль. Время на исходе. Необходимо что-то решать. Мне и выбирать-то особо не из чего. Точнее, есть из чего, но выбор очевиден. Продумав все «за» и «против», я решаю действовать. Срываю гарнитуру, достаю из кармана телефон, бросаю всё это на асфальт, растаптываю сначала гарнитуру, затем телефон. Затем хватаю кейс, выбегаю обратно на автостоянку, останавливаюсь, поворачиваюсь лицом в сторону автотрассы, жду. Машина Адилья медленно заворачивает на стоянку, за рулём один из его бойцов, Адиль на пассажирском сиденье. Машина медленно подъезжает ко мне. Я держу кейс в левой руке, мне страшно, пытаюсь восстановить дыхание, стискиваю зубы в ожидании неизвестности. Машина останавливается в паре метров от меня, все трое смотрят на меня, но ничего не происходит. Так проходит ещё несколько секунд. Эти несколько секунд для меня растягиваются в вечность. Адиль медленно открывает дверь, медленно выходит из машины, смотрит на меня.

– Ну хотя бы с третьей попытки, Брайн, это уже успех, – с улыбкой на лице говорит Адиль.

Я в смятении. Его слова снова сбивают меня с толку. Но больше всего меня сейчас волнует не то, что ему заранее откуда-то известно всё, что я делал до этого момента, а то, как бы мне поскорее убраться отсюда.

– Садись, Брайн, нам уже пора, – Адиль снова садится в машину.

Куда пора? Нам? Я мимолётно задаюсь этим вопросом, но понимаю, что думать об этом сейчас нет смысла, я уже всё решил.

Я срываюсь с места, подбегаю к машине, открываю заднюю дверь, сажусь на заднее сиденье рядом со вторым бойцом. Никаких пистолетов, никто не обращает на меня внимания,

не задаёт никаких вопросов, только лёгкая улыбка на лице Адила отражается в боковом зеркале. Как будто всё так, как и должно быть.

– В точку Б, – командует Адиль, глядя на бойца, что за рулём.

– Что это за точка Б?! – испуганно спрашиваю я. Адиль смотрит на меня с лёгкой улыбкой через боковое зеркало. Машина трогается с места.

– Точкой А была та квартира, на которой ты был во время первого сеанса.

– Откуда тебе, чёрт возьми, всё известно?! – срываюсь я.

– А ты как думаешь? Я приезжаю на место, где должна пройти передача кейса в мои руки, и вместо этого вижу тебя с кейсом в руках. Ты явно не тот, кто должен мне его передать, и раз уж он у тебя, то тот, кто должен был произвести передачу, мёртв. Ты явно не сразу понял, где находился кейс, тебе на это понадобилось не одна попытка. И раз уж ты решил мне сам передать его, то ты уже видел все мои пути отхода, каждый сеанс заканчивался для тебя неудачно, а когда ты всё-таки заполучил кейс, Союз Девяти объявил на тебя охоту. Бежать от них в одиночку тебе нет смысла, они достанут тебя из ада, и ты решил отдать кейс мне взамен на мою возможную помощь. – Адиль рассуждает так, будто для него это в порядке вещей – знать то, что, по сути, знать невозможно. – И ещё. То, что происходит сейчас, не сеанс.

От последних слов Адила холод пробегает у меня по спине. Я медленно опускаю глаза вниз, медленно поворачиваю левую руку. Я просто забыл её нажать. После последнего сеанса я, ошеломлённый, выбежал из кафе и направился к фургону за кейсом. Мои мысли были заняты поиском новых решений, я был сбит с толку тем, что Адиль говорил мне в последние мгновения второго сеанса. Это всё наяву, это не сон. Я не хочу в это верить, хочу отмотать время назад, но понимаю, что уже поздно. Я действительно цель, действительно стал угрозой для Союза.

– Таков был мой план, – с улыбкой говорит Адиль.

– Что в кейсе?! – срываюсь я.

– Ты очень скоро это узнаешь, – лёгкая улыбка Адила ещё держится на его загорелом лице, – скоро, Брайн Кривки, ты станешь частью чего-то большего.

Мы едем по улицам Эль-Кувейта ещё несколько минут. За это время никто из нас не произносит ни слова. Каждый думает о своём. Можно только догадываться, о чём думает Адиль. Он изредка посматривает на меня через боковое зеркало. Я же думаю о том, во что вляпался. О кейсе. О Союзе. О том, как в одно мгновение стал приоритетом для них, а это сравнимо со смертным приговором. О чём думают двое бойцов, догадаться невозможно. Тёмные очки скрывают их глаза, чёрные бороды наполовину скрывают их лица. Никаких эмоций. Не знаю, умеют ли они вообще говорить или чувствовать что-либо.

– Мы на месте, – голос Адила выводит меня из размышлений. Его лицо становится более серьёзным. Мы заезжаем в какой-то гараж, и ворота за нами сразу же опускаются. Внутри просторно, гараж выглядит заброшенным, на окнах натянут полиэтилен, сквозь который едва проходит дневной свет, из-за чего в гараже царит какое-то мягкое освещение. Несколько обшарпанных столбов, подпирающих потолок, некогда были, как и стены, до половины покрашены зелёной краской. На полу пятна машинного масла, в гараже чувствуется его характерный запах. Посередине стоит старый железный стол для инструментов. В дальней стороне гаража ещё одни горизонтальные ворота. Машина останавливается, все четверо выходим. Я прижимаю кейс к груди, немного волнуясь. Адиль поворачивается ко мне, на его лице появляется его фирменная, лёгкая улыбка.

– Прошу, Брайн, – Адиль жестом приглашает меня к столу, – тебе пришла пора узнать, что в кейсе.

Я не отвечаю. Мне, собственно, нечего ответить. Бойцы тем временем начинают возиться около машины, достают из багажника красные пластиковые канистры. Мы не спеша подходим к столу с инструментами, я кладу на него кейс, он отражает немного света, падающего на него из дыр в полиэтилене на окнах. На кейсе блестит символ – крест, обвиваемый красной розой.

– Ты готов, Брайн? – осторожно спрашивает Адиль. – То, что ты сейчас узнаешь, изменит твою жизнь, уже никогда не будет, как было раньше.

– У меня нет выбора, – немного неуверенно отвечаю я, – я и так по уши в дерьме, назад дороги нет, а так, возможно, ещё удастся что-то исправить.

Адиль еле заметно кивает, переводит взгляд на кейс. Осторожно кладёт на него правую руку, проводит большим пальцем по символу.левой рукой набирает шифр на замке. С резким хлопком крышка немного приоткрывается. На лице Адила снова появляется лёгкая улыбка. Он выжидает ещё мгновение. Сердце в моей груди начинает биться сильнее. Адиль не спеша приподнимает крышку. Я вижу, что внутри кейс обшит чёрным бархатом, посередине лежит белый конверт. Всего один конверт? И всё?

Глаза Адила вспыхивают восторгом. Он берёт конверт в руки, открывает его. Я слежу за каждым его движением. В конверте всего один лист бумаги, размером чуть меньше конверта. На листе крупным чёрным шрифтом напечатаны цифры:

45.544891, 24.870397

– Что это? Это шифр? – удивлённо спрашиваю я Адила, глядя на цифры.

– Нет... Это координаты. – Адиль улыбается, в его голосе слышны ноты восторга, его лицо буквально светится радостью от увиденного.

– Координаты... чего?

– Того, что называют Откровением Бога, Брайн. – Адиль приподнимает листок бумаги на вытянутую руку чуть выше головы, лист просвечивается на свету. – Перед тобой координаты того, что составляет высшую ценность для всего человечества, того, что перевернёт наше представление о мироздании... Пока что мир не готов к этому, но мы на пороге того, чтобы показать его миру.

– Что показать? Что такое Откровение Бога? – спрашиваю я, не отводя взгляда от листа бумаги в руках Адила.

– Откровение Бога – Альфа и Омега... начало и конец...

– Подробнее?

Адиль отдаёт лист мне, я держу его в руках, рассматриваю цифры поближе.

– В 1891, на пороге двадцатого века, археологи нашли пещеру, – говорит Адиль, обходя кейс с другой стороны, – пещеру, больше похожую на храм, огромный по своим масштабам, глубоко под землёй. Останки людей, найденные там, датируются разными эпохами, начиная от времён древнего человека и заканчивая периодом правления Александра Македонского. По слухам, изначально это была воронка от падения некоего космического тела, со временем движение литосферных плит превратило её в пещеру, и уже позже, найденное человеком, это место приобрело статус святыни. В пещере были выточены колонны, ниши, в которых люди жили, молились и обустроивали свой быт. С веками в пещере разросся целый город. Причиной того, что для людей это место стало священным, послужил некий артефакт цилиндрической формы в центре пещеры. Этот артефакт находился там задолго до появления человека, задолго до появления жизни на нашей планете, появился в то время, когда наша Земля только зарождалась как планета. Артефакт постоянно находится в подвешенном состоянии, он как бы завис над землёй в полутора метрах от поверхности. По размерам он примерно сантиметров шестьдесят на сорок. Говорят, его нельзя сдвинуть с места, он не поддаётся ни одной силе. Судя по иероглифам на стенах храма, люди, поклонявшиеся артефакту, верили, что его сила может исцелять, излечивать от любых болезней... Когда этот храм нашли археологи, уже в нашу эру, они сразу же засекретили это место. Позже на поверхности возвели укрепления, местность оцепили и пещеру с артефактом начали изучать. Учёные, лучшие умы планеты, пришли к выводу, что этот артефакт сделан из неизвестного не разрушаемого минерала. Осмотрев

его при помощи микроскопа уже в тридцатые годы двадцатого века, учёные заметили на его поверхности символы, некоторые из которых были похожи на наши арабские числа. Учёным понадобилось не одно десятилетие, чтобы расшифровать их. В конце концов они поняли, что это набор бесчисленных уравнений, начертанных по всей поверхности артефакта, уравнений такой сложности, что человеческий разум ещё не скоро будет в состоянии понять их значение. Только спустя почти полвека учёным удалось расшифровать часть из них. Эта малая, ничтожная часть открыла человечеству путь к новым технологиям. Телефоны, компьютеры, спутники. Одной из технологий, разработанных по расшифрованным уравнениям, является и Теория Будущего. А иначе почему все эти технологии появились только во второй половине двадцатого века? Возраст самого же артефакта – предположительно несколько миллиардов лет, он может быть ровесником нашей вселенной, – Адиль улыбается, слегка кивает, разводит руками. – Учёные выявили электромагнитную аномалию вокруг артефакта в радиусе двух метров, что-то вроде невидимой сферы, и предположили, что именно эта аномалия для людей, живших в храме, считалась целебной, способной исцелять, и после нескольких экспериментов учёные пришли к ошеломляющим выводам. Артефакт ускоряет регенерацию клеток любых живых организмов, находящихся в радиусе действия аномалии. Следовательно, он действительно обладает исцеляющими свойствами. Как именно это работает, понять невозможно, для этого необходимо вскрыть артефакт, чтобы увидеть его содержимое, а так как он не разрушаем, это сделать пока что невозможно. Учёные назвали его Откровением Бога, дабы подчеркнуть, что создан он не руками человека.

Я опускаю глаза на лист бумаги.

– И куда указывают эти координаты? – спрашиваю я.

– Судя по цифрам, это Румыния, – Адиль поворачивается к окнам, его лицо озаряет дневной свет.

Я перевожу взгляд на Адила.

– Как всё это связано с тобой? Кто должен был передать тебе кейс? Чёрт, как всё это оказалось связано со мной? С Союзом Девяти?

– А что ты знаешь о Союзе Девяти? – Адиль поворачивается ко мне.

– Мало чего. Меня завербовали полгода назад, показали технологию Теории Будущего, из управления Союза я никого живую не видел. Со мной работало тактическое подразделение, мой вербовщик и оператор.

На лице Адила появляется усмешка. Он подходит ближе.

– Союз Девяти, Брайн, это древнейшая организация, постоянно ведущая мониторинг научно-исследовательской деятельности по всему миру. Их идеология заключается в том, чтобы препятствовать разработке и внедрению в жизнь новых технологий. Они верят, что развитие технологий рано или поздно может нас погубить. Идеология Союза Девяти берёт своё начало в древней легенде, согласно которой Союз был создан после Великой битвы на поле Курукшетра, в которой, как сказано в древнеиндийском эпосе «Махабхарата», было применено оружие богов, по своему поражающему эффекту сходное с нашим современным ядерным оружием. Союз был основан императором Ашокой в третьем веке до нашей эры. По легенде Ашока отправился завоёвывать соседнее государство Калингу. Количество убитых в той войне исчислялось тысячами, это повергло Ашоку в ужас, и он был вынужден отказаться от войны. Ашока полностью переоценил свои ценности, и, желая облагодетельствовать мир, он запретил использовать творения человеческого разума во зло. Но правитель понимал, что одним запретом нельзя контролировать не то что будущее, но и настоящее. Так он основал организацию, члены которой оберегали бы человечество от самого себя. Так и появилось могущественное тайное общество «Девяти Неизвестных», членами которого стали хранители древней мудрости и знаний. Они стали следить за тем, чтобы прогрессивные знания не попали не в те руки. Членство в Союзе передавалось из поколения в поколение и дожило до наших дней. Когда

Союз Девяти обрёл могущество, он попытался завладеть Откровением, дабы оно не попало больше ни в чьи руки. Но место, где было найдено Откровение Бога, было строго засекречено. Члены Союза Девяти только сейчас смогли узнать, кто, где и когда будет передавать координаты из рук в руки. И они отправили на место встречи своего человека – тебя, вооружив одним из сильнейших орудий – Теорией Будущего.

– Но почему они спустили на меня всех собак из-за того, что я заполучил кейс, ведь они меня за этим и отправили? – удивлённо спрашиваю я, слегка мотая головой. Мне до сих пор в это не верится, в этом нет никакой логики.

– Брайн, ты ещё не понял? – Адиль произносит эти слова с насмешкой, на его лице вновь рисуется лёгкая улыбка. – Завладев Откровением Бога, можно изменить расстановку сил в мире. Та организация или та страна, в чьи руки попадёт Откровение, может в кратчайшие сроки обрести мировое господство. Только подумай – этот артефакт даёт людям неограниченные возможности, его изучение может открыть дверь в новую эпоху, продвинуть наше общество далеко вперёд в развитии!

– Ты хочешь сказать, что Румыния станет мировой державой? Это же бред, – усмехаюсь я.

– Нет, конечно же, – улыбка Адила растягивается шире, – место, где находится Откровение, это международный объект, оно находится под наблюдением нескольких государств – США, России, Германии и ещё нескольких стран Европы. Эти страны в начале двадцатого века подписали соглашение, согласно которому мировая обстановка, политические конфликты и войны не должны мешать изучению Откровения. Они понимали, насколько важен этот объект и какой ущерб он может нанести всем, если попадёт не в те руки. Удерживать такой проект в тайне от всего мира невероятно сложно, Брайн. Откровение самим своим существованием влияет на обстановку в мире, на его изучение уходят колоссальные средства. С каждым новым открытием Откровение даёт прогрессу всё новые обороты, и все, кто знает об этом артефакте, хотят урвать свой кусок.

– А какое отношение ко всему этому имеешь ты? Кто ты на самом деле, Адиль? Ты явно не просто торгуешь оружием и информацией, твоя роль во всём этом гораздо значительнее, – резко спрашиваю я Адила, смотрю ему прямо в глаза. Он снова улыбается. За сегодняшний день я уже и не помню такого момента, когда он бы не улыбался. Такое чувство, что для него всё идёт как нельзя более гладко, и это доставляет ему удовольствие.

– Что ты знаешь об этом символе, Брайн? – Адиль указывает на символ на крышке кейса. Символ ярко отражает оранжевый солнечный свет. Мне нечего ответить, пару секунд я молчу, глядя на выпуклый символ.

– Это розенкрейцеры, – продолжает Адиль, переводя взгляд на меня, – Орден креста и розы – тайное общество, предположительно основанное в период позднего средневековья в Германии Христианом Розенкрейцем. Их идеология содержит учение, построенное на древних эзотерических знаниях, которые скрыты от обыкновенного человека, и рассказывает о познании человеком природы, о его духовности. Они стояли у истоков изучения Откровения. Не так давно от них просочилась информация о его местонахождении, и те, кто хотел завладеть координатами, послали меня для осуществления передачи. Иными словами, те, кто меня нанял, хотели, чтобы я доставил им кейс с координатами тихо, без лишнего шума и не привлекая особого внимания. Понятное дело, такая передача не могла пройти незамеченной для тех, кто также жаждет узнать координаты местонахождения Откровения. Теперь у нас на хвосте Союз Девяти, это не очень приятно, но поправимо, и не надолго.

– И кто же тебя нанял, Адиль? На кого ты работаешь?

На лице Адила пропадают всякие эмоции, его улыбка стирается. Он снова поворачивается к окнам.

– Те, кто с древних времён всю свою жизнь странствовали по свету в поисках Святого Грааля. Те, чьё братство дожило до наших дней. Рыцари Круглого стола.

– Что? – полушёпотом произношу я, – я думал, это всё выдумка... Это же всё сказки, вымышленные персонажи из эпоса...

– Я тоже раньше так думал, Брайн, – Адиль опускает голову, слова даются ему с трудом. Я вытираю лоб тыльной стороной правой руки. Мне трудно поверить во всё это. Но не думаю, что Адиль врёт, такое вряд ли можно выдумать сходу. Тайные общества, Ордены, рыцари... Откровение Бога. На меня слишком много навалилось за последние часы. Я перевожу взгляд на Адила, смотрю ему в спину.

– Ты сказал «мы», – говорю я, – ты сказал, Союз Девяти сел на хвост «нам», что ты имел в виду?

Адиль немного поворачивается ко мне.

– То, что ты теперь с нами.

Глава 2

Том Райли

Этот мир задыхается. Рушится под тяжестью собственного веса. Мир шума, дыма и копоты. В этом мире нас так много, что уже стало душно. Двадцать три миллиарда человек крутятся в этой огромной, вращающейся мясорубке. С высоты сорока километров мне кажется, что я слышу их голоса. Голос каждого. Крик, шёпот, мольбы, стоны, смех, плач. Я слышу, как крутится Земля. Чувствую скрежет от её вращения. С этой высоты я вижу, как она захлёбывается пылью. Эта планета больна, и её диагноз – человек. Наша цивилизация оказывает негативное влияние на этот мир, мы дышим ядом, пьём его, пропитываем ядом почву. Находясь на Земле, мы чувствуем на себе обратную сторону промышленного прогресса, но видим лишь малую часть ущерба, нанесённого человеком. Здесь же, на высоте сорока километров, где мой аэростат достиг своего потолка, язвы и раны этой планеты от присутствия на ней человека видны невооружённым глазом. Там, где были бескрайние леса, теперь пустыня, там, где были озера, теперь болота и степи. На высоте космического полёта я чувствую, как этот мир реагирует на наше присутствие в нём, и понимаю, насколько мал наш мир. С развитием научно-технического прогресса человек возмнил себя Богом на Земле, чтобы лишь на ничтожный период своей жизни почувствовать свою воображаемую значимость. Но, глядя с высоты стратосферы, понимаешь, что весь наш мир – всего лишь пылинка в огромной бесконечности вселенной. Вся наша значимость, ощущение нашего привилегированного статуса во вселенной, чувство господства над этим миром – всего лишь иллюзия, которую мы сами себе создали.

Я приближаюсь к месту, координаты которого мне прислали. Мой аэростат представляет собой большой шар, наполненный гелием, под которым на тросах держится гондола цилиндрической формы. В ней я едва помещаюсь в полный рост. На мне герметичный чёрный костюм, который позволяет выдерживать любое давление, любые нагрузки. В нём удобно двигаться, он не сковывает движения, его вес настолько мал, что я не чувствую его, я как будто надел спортивную одежду. На глазах у меня панорамные очки, обзор от одного виска до другого. Вся информация, которая мне требуется, выводится на них: высота, на которой я нахожусь, кровяное давление, пульс, температура окружающей среды – всё, что мне может понадобиться в ближайшие полчаса. А ещё в ближайшие полчаса мне понадобится помощь Бога, потому что то, ради чего я забрался на такую высоту, ещё не делал никто. И в этом мой шанс. На стёклах моих очков появляется информация о том, что до места, координаты которого мне выслали, остаётся около тридцати секунд. Это означает, что пора подготовиться. Я надеваю парашют, нажимаю кнопку разгерметизации на стене, и давление выравнивается до уровня давления за бортом. Затем шлюз гондолы открывается таким образом, что нижняя его половина задвигается в корпус гондолы вниз, вторая половина задвигается вверх. Передо мной обнажённая земля и холодный, мёртвый космос. У меня будет не так много времени после прыжка.

Красные мигающие цифры на моих очках показывают обратный отсчёт. Я становлюсь на порог шлюза с наружной стороны. Теперь я полностью нахожусь за бортом. Я держусь обеими руками за поручни с внешней стороны гондолы, немного наклонившись вперёд. Земля отсюда видна как на ладони – яркая, голубая и кажущаяся нетронутой.

Двадцать секунд до прыжка.

Как я попал сюда? Как я дошёл до этого? Всего сорок минут назад я не думал, что всё так обернётся. Я понятия не имел об этих координатах. Цепочка событий, которая привела меня к этому моменту, кажется невероятной.

Десять секунд до прыжка.

Они мертвы. Погибли на моих глазах, один за другим.

Пять секунд.

Это ведь казалось не таким уж сложным. Типичная задача для профи.
Четыре секунды. Три. Две...

Сорок минут назад. Остров Бас-Тер. Карибский архипелаг

Нас трое. Чёрный военный вертолёт несёт нас через открытый океан к месту высадки. Два пилота в кабине. Никто из нас троих не произносит ни звука. Я сижу, облокотившись спиной о фюзеляж, рядом со мной ещё двое бойцов, облачённых в такие же герметичные костюмы, что и я. В вертолёте темно, но я отчётливо вижу панорамные стёкла на шлемах каждого из бойцов нашего отряда. Каждое стекло в виде неоновой креста, который начинается от подбородка и заканчивается на уровне лба, горизонтальная линия креста проходит на уровне глаз. Между нами, прикрепленные к полу, находятся три подводных скутера. Каждый высотой в половину человеческого роста и около двух метров в длину, они больше похожи на небольшие подводные лодки. Напряжение между нами тремя чувствуется в воздухе. Я не вижу глаз этих двоих, но знаю, что они переглядываются между собой, посматривают на меня. Я чувствую на себе их взгляды через панорамное стекло их шлемов. Каждый крест подсвечен индивидуальным цветом, у одного красным, у другого голубым. Мой цвет – зелёный. Из звуков только шум вращающихся лопастей.

– Знаешь, Том, это должен был быть мой отпуск.

Я вижу, как один из парней слегка кивает в мою сторону, говоря по внутренней связи, которая соединяет наши костюмы. Это Бэйн.

– А знаешь, сколько я не был дома? – продолжает Бэйн.

– Эти вещи зависят не от меня, не нужно срывать на мне, – отвечаю я, – это незапланированный вылет, Бэйн, так иногда бывает, когда служишь во внешней разведке, или ты забыл?

– К черту, Том! Ты офицер из старшего состава, ты мог бы подсуетиться, и к чёрту на кулички отправили бы другой отряд, но ты палец о палец не ударил! – Бэйн повышает голос.

Третий боец не вступает в разговор. Облокотившись о колено, он переводит взгляд то на Бэйна, то на меня, то просто пялится в пол.

– Ты знал, на что идёшь, когда вступил в ряды разведки. Это наш долг и наш выбор, – я пытаюсь найти отговорку, – мы много делаем для нашей страны, и придётся сделать ещё больше.

– Ой, только не начинай о долге! – Бэйн вот-вот сорвётся, в его голосе появляется всё больше напряжения.

– Он прав, Том, – к диалогу присоединяется третий боец, Шон, – нам не мешало бы отдохнуть... У меня жена родит со дня на день, мы ждём дочь... – Шон с еле слышным вздохом встаёт, вертолёт немного покачивается, и Шон берётся рукой за поручни под потолком, – думаем назвать Кейси.

– Ребята, мне жаль, правда. Когда вернёмся назад, я поговорю с руководством и выбью вам две недели, обещаю, – я перевожу взгляд на Шона, он стоит в полутора метрах от меня, слегка пошатываясь. Бэйн в это время мотает головой, смотря в пол. Похоже, он не особо верит моим словам.

– Я понимаю, устали... – продолжаю я и не успеваю договорить, меня перебивает динамик.

– Тридцать секунд до высадки! Ближе не подойти, иначе нас засекут! Приготовьтесь! – Голос одного из пилотов в динамике звучит с помехами.

Шон убирает руку от поручней и слегка мотает головой, отводя взгляд. Бэйн кладёт ладони на колени, резким движением вскакивает со своего места и направляется в сторону своего скутера. Его скутер первый от шлюза, вторым пойдёт Шон, последним я. Мы все трое без лишних слов садимся на свои скутеры. Осадок от неприятного разговора ещё витает в воз-

духе. В последнее время мне всё сложнее найти общий язык со своим отрядом. Как сказать им, что они снова не увидят свои семьи какое-то время? Как преподнести им, что их родным придётся подождать ещё немного? Я понимаю, что они сейчас недовольны, знаю, что на сердце у них негатив от всего этого, и это тяготит меня. За последние несколько лет я привязался к ним. Так сложилось, что меня назначили главным в нашем отряде. Мне приходилось отдавать приказы, принимать непростые решения, которые зачастую шли вразрез с мнением этих ребят, и со временем в нашем отряде возникло напряжение, некоторые упрёки мне приходилось просто не замечать.

– Когда вернёмся, я поговорю с руководством и выбью вам две недели, обещаю.

– Десять секунд!

Я занимаю место на своём скутере последним. Сначала сажусь на удобное, длинное, как на мотоцикле, сиденье. В длину оно примерно с метр, чтобы можно было лечь всем туловищем для лучшей обтекаемости скутера и пассажира под водой. Затем полностью наклоняюсь вперёд и упираюсь грудью в самый конец сиденья, принимая горизонтальное положение, опрокидываю голову вверх, чтобы видеть лобовое стекло. Стекло тонировано настолько, что сквозь него ничего не видно. Я просовываю руки в отверстия, находящиеся чуть дальше мощного двигателя, который расположен под чёрной овальной панелью чуть дальше моей головы. Руки я просовываю почти по локоть и нащупываю там удобные рукоятки управления, отверстия изнутри тут же загораются неоновым-синим светом. Скутер заводится, и на лобовом стекле появляются индикаторы скорости, глубины и горизонтальная полоска – уровень заряда аккумулятора. Я ставлю ноги в небольшие углубления по бокам скутера, которые повторяют форму ног. Стопами я упираюсь в плоскую, прорезиненную поверхность. Все формы, расположение сидения, устройство и дизайн скутера выполнены так, чтобы сидеть на нём и управлять им было максимально удобно.

Голос пилота раздаётся вновь:

– Пять секунд!

Отряд готов к высадке, мы готовы сделать то, что делали уже много раз. Я прокручиваю в голове подробности задания. Наша задача – пробиться на остров Бас-Тер под водой, затем пройти вглубь острова и произвести диверсию на космодроме, с которого через двадцать минут должен взлететь шаттл с двумя боеголовками SS-20, или, как её прозвали в НАТО, Сатана-2, украденными и вывезенными из России. В конце 70-х годов русские изобрели самую мощную межконтинентальную баллистическую ракету SS-18, которую также прозвали Сатана, опережающую по своей мощности и точности вооружения всех остальных держав. По данным архива испытаний, Сатана по своей мощности равнялась 1200 бомбам, сброшенным на Хиросиму. И вот спустя почти 50 лет русские создали новую версию Сатаны, более мощную, более разрушительную, более устрашающую. Радиус полного разрушения – около ста пятидесяти километров, от взрыва погибает всё живое, даже микробы.

Несколько дней назад стало известно, что из России было вывезено две боеголовки Сатана-2. Отследить путь перемещения не удалось, но вчера один из спутников зафиксировал нефтяной танкер в Карибском море, который перевозил груз с высоким излучением радиации. Разведка предположила, что напала на след Сатаны, и был отправлен отряд из восьми человек для захвата танкера с целью установить степень опасности груза. Отряд высадился с вертолётки прямо на борт, был всегда на прямой линии связи, беспилотники вели наблюдение с воздуха. Всё было как обычно, даже мышь не прошмыгнула незамеченной. Итог миссии – полное уничтожение отряда, сбиты вертолёт и три беспилотника. Танкер продолжил движение как ни в чём не бывало и достиг берегов острова Бас-Тер. Спутник засёк, как два свинцовых контейнера перевезли на лодках к берегу, оттуда они были отправлены на космодром. Сканер спутника распознал контуры боеголовок даже через десять сантиметров свинца. Излучаемая ради-

ация была настолько мощной, что на рентгеновских снимках боеголовки святились белыми пятнами, радиация пробивала толщу свинца как лист бумаги.

Когда боеголовка летит на дальнейшее расстояние, её легко распознают системы ПРО, и есть время для того, чтобы её сбить. Но если боеголовку запустить сверху, перпендикулярно земле, она достигнет цели раньше, чем ПРО успеет среагировать. Именно поэтому боеголовки Сатана-2 дислоцировали на космодром Бас-Тер. На шаттле их поднимут на орбиту, а оттуда легко можно нанести удар по любой цели.

Я видел снимки со спутника. Как старшего отряда меня проинструктировали обо всех подробностях. Танкер Борей причалил около острова Бас-Тер в километре от берега, и что нам всем показалось невыносимым, это то, что на борту не было ни души. Никого, кроме одного человека. На тепловых снимках со спутника было видно, что на борту танкера находится всего один человек. В управлении разведки было решено, что это сбой, неисправность в самом спутнике. Так или иначе, миссия по захвату Борей провалилась.

Четыре секунды.

Три.

Две.

Одна.

Шлюз вертолётки озаряется светом красных вращающихся ламп, затем резко раскрывается, появляется просвет, и в полумрак кабины вертолётки врываются желтоватые лучи света. Свет озаряет нас всех, начиная с головы до ног, отражается в лобовых стёклах скутеров, проходит сквозь них и отражается в наших очках. Шквал ветра начинает шуметь в перепонках герметичного костюма, но из-за противогаса, встроенного в шлем, я не чувствую его морского запаха. Перед Бэйном открывается вид оранжевого заката и голубого моря. Как только шлюз распаивается полностью, ремни, которыми скутер Бэйна пристёгнут к полу, с резким хлопком автоматически отстёгиваются, Бэйн с силой отталкивается правой ногой от пола и вместе со скутером выскальзывается из вертолётки. Спустя секунду Шон повторяет то же самое и выскальзывается вниз вслед за Бэйном. Спустя ещё секунду ремни моего скутера расстёгиваются, и от их хлопка я чувствую небольшой толчок в корпусе скутера. Я также с силой отталкиваюсь правой ногой от пола и проскальзываю несколько метров на плоском днище скутера через всю длину вертолётки. Скольжение заканчивается резким обрывом у края шлюза, и я срываюсь вниз.

Передо мной открывается вид зеленоватого океана, немного прозрачного из-за солнечного света, метрах в двадцати передо мной летит Шон, дальше, чуть левее, Бэйн. Их скутеры летят ровно, вперёд носами. С этого расстояния Бэйн с его громоздким скутером выглядит чёрной жирной точкой. Меня вместе со скутером потряхивает от потока воздуха. Уверен, у моих ребят то же самое. Острый нос скутера прорезает влажный морской воздух, и от этого на лобовом стекле появляются мелкие капли, которые от ветра ползут вверх. Я вижу, как Бэйн достигает поверхности воды и с огромной скоростью врежется в воду. Чтобы не попасть в эту же точку, Шон вытаскивает левую руку, отводит её в сторону и немного назад, распрямляет левую ногу, переносит вес тела вправо и таким образом немного меняет траекторию полёта. Шон входит в воду точно перпендикулярно, оставляя за собой немного брызг. От потока воздуха мой скутер всё ещё немного трясёт. Через несколько секунд я врезаюсь в толщу воды на огромной скорости. Шум ветра в перепонках моего костюма сменяется громким, резким хлопком, более похожим на взрыв. Спустя секунду шум сменяется тишиной. На такой скорости, учитывая мой вес и вес скутера, я вошёл в воду примерно метров на десять. Через очки я вижу перед собой только густую белую пену и мельтешащие пузырьки. На пару секунд я практически слепну, я ничего не вижу дальше стекла моих очков, не вижу даже собственных рук. Спустя ещё пару секунд пена рассеивается, и сквозь полупрозрачную воду я вижу песчаное дно, которое находится метрах в тридцати от меня. Я откидываюсь назад, перевожу свой вес и таким образом

выравниваю скутер горизонтально, параллельно дну. Затем я смотрю влево и вижу, что метрах в десяти от меня на такой же глубине, в таком же положении, не двигаясь, находится Шон, ещё метрах в пятнадцати от него застыл Бэйн. Я вижу, как от них, словно от ракет, остался жирный, белый след пены, который тянется далеко сверху, и чем ближе этот след к скутеру, тем меньше он в диаметре. Такой же след и за мной. Под Бэйном проплывает косяк рыб. Шон и Бэйн смотрят на меня, ждут. Я вытаскиваю левую руку из отверстия, сжимаю её в кулак и выставляю в сторону, поднимаю вверх большой палец. Бэйн кивает мне, даёт скутеру полный ход и срывается с места в сторону острова. То же самое делает Шон. Я, выждав секунду, замечаю, как солнечный свет, проникая через толщу воды, оставляет на песчаном дне две огромные овальные тени. Я поднимаю голову и вижу, как там, вверху, надо мной проплывают два синих кита. Это немного сбивает меня с толку. Но спустя мгновение я возвращаюсь обратно в реальность. Я засовываю руку обратно и нажимаю рычаг до отказа вперёд. Скутер с приглушённым рёвом срывается с места, и от сильной тяги мои ноги чуть было не отрываются от скутера. Я изо всех сил упираюсь стопами в плоскую поверхность под подошвами, а внутренними сторонами бёдер стараюсь сильнее сжимать бока скутера, чтобы не «вылететь из седла». Спидометр на лобовом стекле показывает скорость 120 км в час, и она продолжает расти. Скутер, благодаря своей мощности, прорезает толщу воды, словно воздух, но сопротивление настолько сильное, что он начинает вибрировать ещё больше, чем при полёте. Наши костюмы позволяют дышать под водой, в их конструкции предусмотрен небольшой запас кислорода, минут на десять. При выдохе из отверстий, расположенных в шлеме чуть ниже рта, больше похожих на отверстия противогаза, появляются пузырьки воздуха. Я смотрю через полукруглое длинное стекло скутера и вижу, как Шон и Бэйн оставляют едва заметный след из таких пузырьков. Мы рассекаем толщу воды с ощутимой скоростью и видим, как дно становится всё ближе. Это означает, что берег рядом. Света вокруг становится больше. Танкер находится с другой стороны острова, мы заходим с противоположной. Дно уже в пяти метрах от моего скутера, и я замечаю, как впереди меня Бэйн исчезает, выплывая на поверхность, ещё спустя мгновение исчезает Шон. Я, не сбавляя скорости, на полном ходу касаюсь дна и всплываю на поверхность. Яркий солнечный свет на мгновение ослепляет меня, но стекло очков автоматически становится темнее, и перед глазами появляется отчётливая картинка. Я вижу песчаный берег шириною примерно в двадцать метров, который тянется от одного края острова до другого. Чуть дальше от берега начинается густая зелёная растительность. На горизонте я сразу же замечаю космодром с шаттлом, который возвышается над джунглями. Я по инерции проезжаю по песку на скутере ещё метров пять, он вязнет, оставляя за собой на мокром песке глубокий распыханный след. Слева от меня скутеры Шона и Бэйна оставляют такие же следы. Не теряя ни секунды, они нажимают на своих скутерах кнопку, расположенную ниже сиденья, на правом боку, прямо на овальном корпусе, под которым спрятан двигатель. По цвету она такая же чёрная, как и весь скутер, и со стороны едва заметна. Я делаю то же самое, и после нажатия кнопки верхняя часть сиденья, именно та часть, на которую я опирался грудью, отъезжает вверх, и из-под неё, в круглой и длинной, как труба, нише, показывается приклад М-16 со снайперским прицелом и глушителем. Винтовка спрятана стволом вниз, чтобы её легко было доставать. Я хватаю её за приклад и резким движением вытаскиваю. Затем дно ниши, в которое упиралась винтовка, выезжает к самому верху, из него торчат две обоймы. Третья уже прикреплена к М-16. Правой рукой я держу оружие, направив ствол вверх, левой хватаю одну обойму и прикрепляю её к тонкой, величиной со спичечный коробок, магнитной панели, расположенной у меня на левом бедре. Обойма крепко удерживается на ней. Со второй проделываю такую же операцию, прикрепляя её на другую панель. Затем левой рукой снимаю винтовку с предохранителя, передёргиваю затвор и прыгиваю со скутера на мокрый песок. Мои ребята делают то же самое, и я вижу, как Бэйн скрывается в густых зарослях. Вслед за ним с винтовкой в руках

бежит Шон, оставляя отчётливые следы на песке. Через мгновение я слышу голос по внутренней связи, которая соединяет наши костюмы.

– Проверка связи, – голос Бэйна звучит ровно и чётко, в нём нет ни следа от того неприятного разговора в вертолёте.

– Слышу, – отвечаю я.

– Слышу, – повторяет Шон.

Шон вслед за Бэйном скрывается в тропических зарослях джунглей. Дистанция между нами не больше десяти метров. Как только связь между нами активируется и Шон с Бэйном скрываются из моего поля зрения в зарослях, на их месте на стекле моих очков появляются небольшие бежевые ромбики. Под ними цифры – расстояние в метрах. Под ромбиком Шона цифра 8. Под Бэйном цифра 17. Над ромбиками также цифры. Это порядковый номер звена отряда. Над ромбиком Шона цифра 3. Бэйн – цифра 2. Таким образом, даже если я не вижу свой отряд, система всегда выводит мне на стекло очков местонахождение каждого из них.

Последним захожу я. Яркий свет солнца резко сменяется тенью, отбрасываемой пальмами и лианами. Изнутри джунгли не кажутся такими густыми. В основном невысокая, не выше колен, трава, лианы, свисающие с высоких деревьев, и тонкие молодые деревья, высотой до середины пальм. На самом верху, над кронами, пролетают стаи птиц.

Ни один из нас не сбавляет ход, мы пользуемся своей старой тактикой и надеемся на эффект внезапности.

– Три минуты до запуска, – объявляю я, и на наших очках появляется обратный отсчёт, – вариантов немного, медлить нельзя.

Мы спринтом продвигаемся вглубь острова, лавируя между деревьями, трава цепляется за ноги, треплется и рвётся от наших шагов. Мы за несколько секунд пробегаем вглубь острова и оказываемся на открытой местности, на которой вся растительность вырублена практически до горизонта. Поле, на котором остались одни пеньки, пересекает железная дорога, по которой везли шаттл к месту запуска. На границе, там, где вырубленное поле встречается с джунглями, стоит огромный жёлтый бульдозер. Бэйн пробегает в сторону шаттла, в том же направлении, только ближе к бульдозеру. Я же в это время забегаю с другой стороны огромной жёлтой машины и вижу, как сверху из-за лобового стекла, которое отражает солнечный свет, водитель бульдозера с испуганным лицом вглядывается в меня, пытаюсь опознать личность нарушителя. Из-за того, что лобовое стекло отражает свет, я едва успеваю разглядеть, что водитель подносит ко рту рацию и что-то отчётливо говорит. Его жёлтая строительная каска срабатывает для меня как мишень, я вскидываю винтовку вверх, направляю дуло в его сторону и произвожу глухой выстрел. Пуля оставляет маленькое отверстие в лобовом стекле и большое красное пятно на задней стенке кабины. Я, не сбавляя скорости, бегу вслед за отрядом. Мы подбегаем к железной дороге, бежим вдоль неё. Впереди, на расстоянии около пяти километров от нас, видим готовый к запуску шаттл, прикреплённый к оранжевой ракете-носителю. С двух сторон от железной дороги начинаются бетонные овраги для отвода дыма при старте шаттла.

Внезапно на стёклах моих очков появляются помехи. Динамики выдают шипение, сквозь которое я обрывками слышу какой-то голос. В нижнем правом углу стекла появляется небольшое изображение, что-то вроде окна оперативной системы, размером чуть меньше спичечного коробка. В нём появляется изображение, на котором какой-то парень испуганно смотрит на меня, пытаюсь отдышаться.

– Том? – испуганно говорит он, поправляя очки на носу, – Том Райли?! Это ты?!

– Кто это? – Я с удивлением спрашиваю парня, понимая, что видеозвонок не из штаба и к внешней разведке вообще никакого отношения не имеет. – Откуда идёт связь? Ты кто вообще?

– Послушай меня, Том. В то, что я скажу, сложно поверить. Но ты должен сделать то, что я тебе скажу! – внезапно я слышу выстрелы с той стороны экрана, и парень вздрагивает

от страха, наклоняет голову, затем распрямляется и снова поправляет очки, – времени мало, Том, ты должен следовать моим инструкциям!

– Что?! Пошёл ты! Кто ты такой?! Как ты вошёл в систему? Это невозможно! Линия защищена! – вскрикиваю я.

– Том, нет времени рассусоливать, вот-вот случится то, из-за чего погибнут миллионы. Шаттл, который вы пытаетесь остановить, предназначен не для того, о чём вы думали! – На экране начинает смазываться картинка, я понимаю, что парень ведёт видеозвонок через фронтальную камеру сотового телефона.

– Бэйн, меня взломали! – кричу я.

– В смысле?! – отвечает Бэйн.

– Тут какой-то парень на видеовызове!

– Почему я его не слышу? У меня ничего! – кричит Бэйн.

– У меня тоже! – подхватывает Шон.

– Послушай, Том... – парень задыхается, хватая ртом воздух, пытается отдышаться, – твоего отца зовут Ричард Райли, он живёт в Нью-Йорке, ему 56 лет... – парень произносит эти слова как скороговорку, закрывая глаза, как будто заранее их заучивал. – Если ты не сделаешь, как я скажу, он погибнет, и ты не сможешь ничего исправить!

– Кто ты такой, чёрт возьми?! И откуда ты знаешь моего отца? – срываюсь я.

– Сатана, которая находится на борту шаттла... одна из них упадёт на Нью-Йорк, это их цель! Ты не должен останавливать шаттл... – в этот момент парень отворачивается от камеры и заглядывает за угол, и я понимаю, что он прячется за мусорным контейнером. Раздаются ещё несколько выстрелов, парень прячется обратно в своё укрытие, – ты должен улететь на нём... Том, ты слышишь? Измени траекторию полёта! – Он смотрит прямо в камеру сотового телефона, последние слова даются ему с трудом, в его голосе слышится отчаяние. В этот момент раздаётся ещё пара выстрелов, парень вздрагивает, и связь пропадает.

– Том, что там у тебя? – спрашивает Бэйн. Я не знаю, что ему ответить, как объяснить то, что какой-то парень взломал мой костюм, каким-то образом подсоединился к системе и вывел изображение на экран моих очков?

– Ничего... Связь прервалась, я не знаю, кто это был, – я как можно спокойнее произношу эти слова, но они звучат неуверенно, – две с половиной минуты! – передаю я остальным.

В ответ тишина. Они и так понимают, что медлить нельзя. Два бежевых ромбика появляются на моих очках и бегут впереди меня с нечеловеческой скоростью. Костюм значительно усиливает любые физические возможности, позволяет бежать со скоростью гепарда.

Я замечаю, как загораются огни, освещающие шаттл. Центр управления недалеко от него также загорается красными огнями. Нас заметили. Водитель бульдозера всё-таки успел поднять тревогу перед смертью.

– У нас клиенты! – громко объявляет Бэйн, который бежит впереди, и я вижу, как на линии горизонта рядом со стартовой площадкой шаттла появляются военные внедорожники, на крышах которых прикреплены крупнокалиберные пулемёты. Они поднимают вокруг себя клубы песчаной пыли. Восемь внедорожников растягиваются по всей длине от бетонного оврага до железной дороги, выстраиваясь в линию и преграждая нам путь.

– Нам придётся принять бой, сворачивать в сторону некогда! – кричит Бэйн.

– Стреляйте по колёсам! – команду я.

Все трое, не сбавляя ход, поднимаем винтовки и открываем бесшумный огонь. До сближения с внедорожниками остаётся метров пятьдесят. Я прицеливаюсь в колесо одного из них, нажимаю на спусковой крючок. От разрыва колеса машина становится ниже, и внедорожник на полном ходу цепляет бампером землю, врывается всем передом на полметра вглубь и с рёвом переворачивается в полёте. От удара машины о землю через лобовое стекло вылетают два бойца, одетых в военную форму. Пулемётчик, торчащий из внедорожника, вылетает из сво-

его гнезда, пролетает метров десять и падает на землю. В это время Шон тремя выстрелами переворачивает ещё один внедорожник по такой же схеме. Бэйн стреляет по лобовым стёклам в водителей и таким образом устраняет ещё две единицы военной техники. В эту секунду с крыш других машин раздаётся прерывистый рокот пулёмётных очередей. На стёклах моих очков изображения внедорожников, с которых производятся выстрелы, начинают подсвечиваться красным, предупреждая, что пулёмётчик целится в меня. В меня летит лента из ярких огней крупнокалиберных пуль, и, анализируя траекторию, система выводит мне на панорамные очки варианты уклонения. Их два: либо остановиться и лечь на землю, чтобы пули пролетели надо мной, либо отклониться немного влево. Второй вариант тормозит меня меньше. Я наклоняюсь немного влево, таким образом, Шон и Бэйн оказываются справа от меня. Я уворачиваюсь от длинной череды выстрелов, некоторые пули попадают точно в то место, где я был долю секунды назад, врезаются в песок и оставляют после себя высокие фонтаны. Я тут же стреляю по лобовому стеклу, и машина сворачивает вправо. Мы выравниваемся в одну линию с оставшимися внедорожниками, и они, оставляя за собой песчаную пыль, проезжают мимо нас.

– Две минуты! – напоминаю я.

Мы продолжаем бежать в сторону шаттла, до которого остаётся полтора километра. У меня есть доля секунды, чтобы оглянуться, и я замечаю, как внедорожники разворачиваются, чтобы пуститься вдогонку за нами. Мы бежим сквозь облако пыли, взметённое машинами, и она оседает на наших чёрных костюмах, придавая им бежево-грязный оттенок. Мы значительно оторвались от погони. Подбегаем к строительным лесам в километре от шаттла, они стеной окружают нас по обеим сторонам, не оставляя нам шансов отклониться от траектории, и мы вынуждены бежать только между ними, вдоль железной дороги. Бэйн и Шон бегут слева, немного опережая меня. Справа от нас наблюдательная вышка, и сквозь пыль я вижу, как с её крыши мигает свет. Как будто отражение солнечных лучей в зеркале. Спустя мгновение я понимаю, что это.

– Снайпер! – во всё горло кричу я, и спустя долю секунды пуля влетает прямо в стекло очков Бэйна.

Бежевый ромбик гаснет у меня перед глазами.

– Бэйн! Нет! – голос Шона в динамиках оглушает меня.

Он немного сдаёт вправо и хочет подбежать к телу Бэйна, но не делает этого, потому что мы оба знаем, что наши костюмы считывают наш пульс, и если индикатор местонахождения погас на экранах наших очков, то всё кончено.

«А знаешь, сколько я не был дома?»

Бэйн больше никогда не побывает дома.

Нам приходится бежать дальше. Бэйн остаётся позади. Мы оставляем его в облаке пыли. Я оглядываюсь назад, хочу что-то прокричать, но у меня встаёт ком в горле. У меня шок. Секунду назад Бэйн бежал бок о бок с нами, часть команды, часть нашей жизни, и через долю секунды его не стало. Вместе с ним ушла часть нас самих. Но мы не можем останавливаться, мы понимаем, что наша задача гораздо важнее, чем Бэйн. Важнее, чем мы. Остановимся – и погибнут миллионы.

Я оборачиваюсь в сторону смотровой вышки и сквозь рассеивающуюся пыль вижу снайпера. Он стоит во весь рост, в руке у него снайперская винтовка. Он находится примерно в трёхстах метрах от меня, но даже с такого расстояния я вижу, что он не пытается прятаться, даже не боится, что я открою по нему огонь. На бегу я прицеливаюсь в его сторону, но он слишком далеко. В оптический прицел я вижу его гораздо ближе. Он одет во что-то вроде белого прицеленного хлопкового плаща с капюшоном, накинутым на голову. Лица не разглядеть. Хотя оно и повернуто к солнцу, тень от капюшона скрывает его. Я произвожу несколько выстрелов, но всё тщетно, пули летят мимо. Я опускаю винтовку и продолжаю бежать.

– Господи, Бэйн!.. – в голосе Шона слышны ноты отчаяния.

В эту секунду позади нас раздаются выстрелы пулемётов. Земля фонтанами взрывается вокруг нас со всех сторон. Одна из пуль попадает Шону в левое плечо. Его немного заносит вперёд, и он оступается, чуть ли не падая на грудь, упирается в землю левой рукой, чтобы не потерять равновесие, встаёт и продолжает бежать, немного сбавляя ход. Я обгоняю его.

– Их необходимо добить! – команду я, и мы на секунду останавливаемся как вкопанные, разворачиваемся на 180 градусов и, стоя, прицеливаемся и открываем огонь по лобовым стёклам оставшихся внедорожников. Один из них резко сворачивает влево и переворачивается, начинает кувыряться. Со второго по нам стреляет пулемётчик, мы стоим, не шевелясь, и в нас со всех сторон летит песок от попавших в землю выстрелов. Пулемётчика убирает Шон. Я избавляюсь от водителя третьей машины. На всё уходит две-три секунды. Мы разворачиваемся и бежим дальше. Я ещё раз кидаю взгляд на крышу смотровой вышки, но там никого. Обратный отсчёт показывает полторы минуты. Мы уже в пятидесяти метрах от шаттла. С этого расстояния он кажется огромным, как небоскрёб. Его поддерживают огромные опоры, похожие на трапедии, по ним ползут вверх толстые кабели, провода, шланги, некоторые слегка дымятся от высокой температуры.

«Ты не должен останавливать шаттл».

Мы подбегаем почти вплотную к стоящим рядом с шаттлом строительным лесам, и я замечаю у самой земли лестницу, ведущую наверх. Мы останавливаемся на секунду.

– Том, прикрой, мы достаточно близко, чтобы я подключился к шаттлу через систему костюма дистанционно, нам придётся выждать здесь, пока система запустит им вирус! – предлагает Шон.

В следующее мгновение крупнокалиберная пуля попадает Шону в левую лопатку, от удара Шон разворачивается через правое плечо на 180 градусов, и вторая пуля попадает ему прямо между глаз.

Кейси никогда не увидит своего отца.

Второй бежевый ромбик гаснет, и я наблюдаю, как второй мой друг умирает у меня на глазах, прямо в двух метрах от меня. Шон замертво падает на спину, а я просто стою как вкопанный и смотрю на него сверху, не веря в происходящее. Просто стою на месте и смотрю на мёртвое тело. Я поднимаю голову вверх и на высоте около пятидесяти метров на строительных лесах вижу фигуру в белом капюшоне с опущенной вниз винтовкой. Теперь вижу его отчётливо, но лица все так же не разглядеть из-за тени, которую отбрасывает капюшон. Я поднимаю М-16 на уровень глаз, пытаюсь прицелиться, но как только заглядываю одним глазом в оптический прицел, человек в капюшоне исчезает. Я начинаю водить прицелом по сторонам, осматриваю строительные леса через прицел, но он как будто испарился.

Обратный отсчёт показывает мне пульсирующие красные цифры – 30 секунд, 29, 28. Внезапно помехи снова появляются у меня перед глазами, и парень в очках появляется в правом нижнем углу моих очков. На этот раз он смотрит в камеру своего сотового сверху, камера трясётся, и я понимаю, что он бежит.

– Том! Это снова я! До старта двадцать пять секунд, поднимайся наверх, я открою для тебя шлюз шаттла!

– Пошёл ты! Что тут вообще происходит? Моих ребят положили у меня на глазах! Чёрт... Да кто ты вообще такой?! – Я срываюсь на крик, и мои глаза наливаются слезами.

– Том, я понимаю, что тебе трудно принять решение. Но поверь, если ты не сделаешь, как я говорю, жизнь твоего отца и миллионы других жизней оборвутся в одну секунду!

– Зачем мне лететь? Почему я не могу обезвредить шаттл, пока он на земле?

– Потому что мы используем шаттл для другой цели, Том! Сатана предназначена для запуска с орбитальной станции, на этой станции ещё куча таких боеголовок. Если ты предотвратишь запуск шаттла, то не сможешь обезвредить станцию!

Я оцениваю ситуацию, стоя над телом Шона. Мой отряд, мои друзья мертвы. Миссия на грани срыва. Плюс этот парень, который знает про моего отца, знает, что Сатана упадёт прямо на Нью-Йорк. Выбор у меня небольшой. Если я останусь тут, то всё равно не успею взломать систему шаттла и остановить запуск. В моём распоряжении пятнадцать секунд. Из сопла начинает вырываться жар, и оно раскаляется добела с обратной стороны. Тринадцать секунд. Если сделаю, как говорит этот тип, то ещё есть шанс. Правду он говорил о моём отце или нет, оставшись на месте, я проиграю.

– Открывай! – кричу я и стремительно начинаю взбираться по лестнице строительных лесов.

– Работаю! – отвечает парень.

Я бегу по пролётам лестницы так быстро, как мне позволяет костюм. Пролёты мелькают у меня под ногами один за другим, и мне кажется, что я бегу по ним целую вечность.

– Готово! Шлюз открыт! Я сделал так, что система шаттла не распознает разгерметизацию и старт произойдёт в любом случае! Том, поторопись!

Пять секунд. Из сопла внизу вырываются огромные языки синего и оранжевого пламени, и я чувствую, как под ногами становится жарко. Я чувствую этот жар от стоп и до пояса. Четыре секунды. Лестница под моими ногами начинает вибрировать, шататься из стороны в сторону. Я смотрю вверх и вижу, что мне осталось пробежать ещё три пролёта, а далее меня ждёт открытый шлюз шаттла. Три секунды. Внизу стартовую площадку затягивают клубы белого, густого дыма. Мне остаётся пробежать всего несколько ступенек, как вдруг лестница начинает отъезжать от шаттла. Я выбегаю на самый верх и сразу же поворачиваю налево, в сторону шлюза. Две секунды. Из сопла вырывается яркая вспышка, сопровождающаяся глухим хлопком. Краем глаза я замечаю, как после вспышки по всему космодрому распространяется звуковая волна от хлопка, она сметает песок с бетонной поверхности космодрома, и уходит дальше, в ту сторону, откуда мы пришли. Одна секунда, и я запрыгиваю в узкий шлюз шаттла. Он сразу же захлопывается.

Я слышу оглушительный грохот отстыковывающихся опор за бортом, шаттл начинает трястись так, как будто его вот-вот разорвёт на части. Я едва успеваю понять, что нахожусь в грузовом отсеке шаттла, так как он стоит вертикально. Я падаю на самое дно, а точнее, на самую дальнюю стену, и сильно ударяюсь спиной. В иллюминаторе рядом со мной появляется свет, настолько яркий, что он заполняет весь отсек. Шаттл вместе с ракетой-носителем трогается с места, и меня прижимает к стене с такой силой, как будто на меня давит сверху тысяча тонн. Тяжесть настолько сильная, что я не могу даже пошевелиться. Всё, на что у меня хватает сил, это повернуть голову в сторону иллюминатора. В нём я вижу, как свет угасает и сменяется яркой голубизной неба. Шаттл вибрирует, шум настолько громкий, что в моём шлеме автоматически включаются заглушки, предохраняющие перепонки от громкого звука. Становится гораздо тише, но от перегрузки мутнеет в глазах, меня тошнит, дышать тяжело. Я делаю глубокие вдохи, хватаю ртом воздух, из горла вырывается хрип. Шаттл продолжает взлетать и набирать скорость, его трясёт. Такое чувство, словно я в большой бетономешалке. Я теряю сознание. Шум не стихает, вибрация усиливается, кажется, что это никогда не закончится. Через некоторое время прихожу в себя, приоткрываю глаза и вижу через иллюминатор, как синева неба сменяется чернотой космоса. В отсеке становится жутко холодно, я чувствую, как колючий холод пробирается мне под костюм и начинают леденеть пальцы ног. Система костюма реагирует на это, поднимая температуру микроклимата внутри, холод отступает, мне становится гораздо теплее, но от этого меня начинает тошнить ещё больше. Я практически отключаюсь в тот момент, когда от шаттла отстыковывается ракета-носитель. Вибрация и шум прекращаются за секунду. Притяжение к стене отсека прекращается, и я по инерции начинаю медленно лететь вперёд. Невесомость как будто успокаивает меня, но я ещё толком не могу прийти в себя. Я всё ещё не могу пошевелиться и с раскинутыми руками медленно начинаю

лететь вдоль грузового отсека. По стенам и потолку шаттла натянута прочная чёрная сетка, какую обычно вешают в грузовых отсеках самолёта. Зрение постепенно восстанавливается, дышать становится легче, и я прихожу в себя. Немного оглядываюсь по сторонам и вижу только белые стены, сетку и несколько приборов. Я пролетаю по всей длине шаттла и замечаю, что прямо подо мной к полу привинчены две боеголовки Сатана-2. Два прямоугольных контейнера, по два метра в длину, каждый из которых прикреплен к полу четырьмя стойками, снизу прочно привинченными к полу большими болтами. Я пролетаю над первым контейнером и в его прозрачной, из прочного стекла, крышке я вижу боеголовку, подсвеченную синим неоновым светом. Далее я медленно подлетаю ко второму контейнеру. На нём, как и на первом, на толстом стекле крышки сверху и снизу нарисованы жёлтые пунктирные линии, чередующиеся с чёрными. Почти посередине нарисован символ ядерного оружия. Снова идёт видеовывод, и на экране моих очков появляется изображение.

– Том? У тебя получилось? – Парень говорит спокойным голосом, в нём нет той тревоги, что была до этого.

– Да. Не будем терять времени, что дальше?

– Послушай Том, у нас есть немного времени, прежде чем мы... прежде чем тебе предстоит сделать кое-что безумное... – парень старается подбирать нужные слова, – в ближайшие минуты... Господи, я сам в это не верю! – Парень засовывает пальцы под свои очки, протирает глаза, затем поправляет очки на переносице. – В ближайшие минуты, Том, мир изменится... начнётся война. Это произойдёт, с твоим участием или без него. Но ты можешь значительно уменьшить количество жертв. Но дело... Дело даже не в этом, Том. Этот артефакт... Ты должен забрать его. Если он попадёт не в те руки, всё будет кончено...

– Что за чушь? Какая война? Какой артефакт? – Я говорю с возмущением, но понимаю, что, как бы безумно не звучали слова этого парня, в них есть какой-то смысл, раз уж он знал про Сатану.

– Послушай, Том, этот артефакт... Его называют Откровением Бога. Всё из-за него, вокруг него всё крутится... Ты должен забрать его... – парень трясёт головой, как будто сам не верит своим словам.

– Откуда забрать? Как? – Я поднимаю руки и цепляюсь за сетку на корпусе шаттла, зависаю над контейнерами, их неоновый свет освещает меня.

– У меня есть координаты, судя по ним, Откровение находится в Румынии... Ты должен, Том, – голос парня становится тише.

– Успокойся и давай по порядку, – я стараюсь его успокоить и разобраться в том, что он говорит.

– Хорошо... – парень делает глубокий вдох, выдыхает, раздув щёки, – послушай, у меня есть план... В шаттле, на котором ты летишь, есть спасательный модуль, аэростат, он находится в следующем отсеке. В его корпусе есть что-то вроде большого парашюта, наполняемого гелием при отстыковке. Через десять минут шаттл пристыкуется к станции «Зевс». Это засекреченная станция, построенная Союзом Девяти, на неё транспортируют Сатану-2, а сама станция – это что-то вроде огромного спускового механизма для боеголовок. С «Зевса» нанесут несколько ударов, в том числе и по Нью-Йорку... У станции независимая система, поэтому мне придётся загрузить в неё вирус при состыковке с шаттлом. Вирус обезвредит всю станцию... Чёрт, я знаю, звучит как безумие. Затем я загружу координаты в систему аэростата, и он отправит тебя в заданную точку. Там, куда ты отправишься, Том... Это самое засекреченное место на земле. Откровение охраняет целая армия, чтобы пробраться туда, тебе нужно зайти сверху, так у тебя есть шанс...

– Что значит – зайти сверху?

– Твой костюм достаточно прочный и выдерживает высокие перегрузки. Тебе нужно будет высадиться из аэростата в точку, координаты которой я тебе дам. Ты должен выкрасть

у них Откровение. Это займёт несколько минут после прыжка, Том, у меня есть план... Тебе нужно спуститься в то место, где исследуют Откровение, затем тебя эвакуируют оттуда, – парень снова протирает глаза и поправляет очки, – только так, Том, других вариантов нет...

– Зачем мне, чёрт возьми, прыгать за этим артефактом?

– Через пару часов на планете начнётся война, Том, и если Откровение Бога попадёт не в те руки, то мир, который мы знаем, перестанет существовать...

– Откуда ты это знаешь? Откуда тебе всё это известно? Это же бред! – я едва сдерживаюсь и готов вот-вот сорваться.

– Мне рассказали, Том...

– Кто?!

Парень отводит взгляд в сторону, поджимает губы.

– Твой друг, Том, Брайн... Его зовут Брайн.

– Что? Что за Брайн? Я не знаю никакого Брайна!

– Пока не знаешь... в смысле, сейчас не знаешь, но в будущем...

В этот момент шлюз в соседний отсек открывается, и из него показывается астронавт. В невесомости он застыл спиной к полу и, запрокинув голову вверх, смотрит на меня. На нём нет шлема, и я прекрасно вижу его недоумевающее лицо. Так проходит пара секунд. Внезапно он что-то вскрикивает и прячется обратно. Я не знаю его языка, но понимаю, что он подал сигнал о присутствии постороннего на борту другому пилоту. Вариантов у меня немного. Если они заблокируют шлюз, я не смогу выбраться с шаттла, а спасательный модуль в другом отсеке, там, где сейчас находится заметивший меня пилот. Я осматриваю отсек, в котором нахожусь, и пытаюсь отыскать глазами свою М-16. Замечаю её в противоположном углу, она медленно плавает в невесомости. Я с силой отталкиваюсь от стены и лечу к винтовке. Пролетаю над одним из контейнеров, и, приблизившись к винтовке, упираюсь руками в стену, чтобы затормозить. Моё лицо оказывается в нескольких сантиметрах от пола, я хватаю винтовку и прицеливаюсь в сторону астронавта. Получается так, что я завис вверх ногами по отношению к полу. Моя голова в десяти сантиметрах от него, ноги в паре метров от потолка, передо мной два контейнера с боеголовками, далее открытый шлюз. В нём я вижу пилота, который улетает обратно в сторону кабины. Я прицеливаюсь точно ему в спину и нажимаю на спусковой крючок. Щелчок. В магазине закончились патроны. Я отсоединяю обойму, хватаюсь за новую у себя на бедре. Пустая обойма пролетает в невесомости около меня. Пилот подлетает к другому шлюзу, ведущему в кабину, он вот-вот скроется из поля зрения. Присоединяю новую обойму, передёргиваю затвор, вскидываю винтовку и смотрю в прицел. Вижу в прицел пилота и тут же теряю его из виду из-за пустой обоймы, пролетающей перед прицелом. Менять позицию или оттолкнуть обойму некогда, стреляю вслепую. Отдача отбрасывает меня назад, и я слегка ударяюсь спиной о стену.

– Что у тебя происходит? – спрашивает парень в очках. Я не отвечаю.

Смотрю в сторону пилота и вижу, как его мёртвое тело медленно летает в невесомости, а рядом из приборной панели валит белый пар. Одна из пуль попала в неё и что-то повредила.

– Пилот, – отвечаю я, – он мёртв.

– Я подключаюсь к аэростату, подготовлю его к полёту, – отвечает парень, – направляйся к нему.

Я отталкиваюсь от стены ногами и лечу в сторону шлюза, залетаю в соседний отсек и замечаю справа от себя, около стены, большой серебристый цилиндр, похожий на большую бочку, в длину чуть больше человеческого роста. Аэростат. Он лежит на боку, на полукруглых подпорках. В десяти сантиметрах от него стена, и я замечаю в ней ещё один большой шлюз, размером чуть больше аэростата.

– Я подключусь к фронтальной камере у тебя на шлеме. Теперь я вижу то же, что и ты. Том, перед тобой аэростат, после того, как мы обезвредим «Зевс», ты сядешь в него, и через шлюз, который находится за ним, ты отстыкуешься от шаттла.

– Понял, что дальше?

– Разберись со вторым пилотом, а я пока загружу координаты Откровения в систему навигации аэростата.

Вариантов у меня немного, я всё равно здесь застрял, и мне всё равно нужно как-то выбираться. Но у меня нет плана. А у этого парня он есть. Это безумие, но что ещё мне остаётся? Сесть в аэростат и прыгнуть? И куда приземлюсь? Я никогда этого не делал, я понятия не имею, как работает вся эта штукавина. А если я приземлюсь в океан? Или на другой континент? Как я выберусь оттуда? Этот парень, по крайней мере, знает как минимум одно место, откуда меня заберут. А если он лжёт? Что если меня просто используют ради чужой цели? В любом случае я в космосе, и мне нужно попасть на Землю.

Я слышу шипение приборной панели у себя за спиной, из неё всё ещё валит белый пар. Я подлетаю к аэростату, хватаюсь за поручни, расположенные по обе стороны от его шлюза. Внезапно я слышу, как шипение приборной панели у меня за спиной затихает. Резкий хлопок оглушает меня и раздаётся сильный взрыв. В одну секунду в корпусе шаттла образовывается огромная дыра размером с легковую машину, и от разгерметизации всё, что находится в отсеке, за долю секунды выбрасывает в открытый космос. Меня выкидывает из шаттла вместе с аэростатом, и я едва успеваю схватиться за него. Шаттл разламывается пополам, и его обломки летят вместе со мной. По инерции меня начинает вращать вместе с аэростатом как в центрифуге. Я едва удерживаюсь за поручни аэростата одной рукой, у меня перед глазами всё смазывается от огромной скорости вращения. Такое чувство, что я вращаюсь в огромном блендере. Я чувствую, что не могу удержаться, я цепляюсь за аэростат четырьмя пальцами. Это всё равно, что держаться за соломинку. Вокруг меня крутятся обломки шаттла. Я понимаю, что стоит мне сейчас отпустить руку, и я улечу в открытый космос или меня притянет Земля, и я сгорю в атмосфере. У меня перехватывает дыхание, и я не могу сосредоточиться. Я чувствую, как пальцы медленно соскальзывают с поручня. Внезапно скорость вращения аэростата падает, из его корпуса с одной стороны начинает выходить пар, и я понимаю, что это выравнивается его полёт.

– Том, я попытаюсь выровнять аэростат, держись! – голос парня я почти не замечаю, я даже не понял, что он сказал.

Скорость вращения снижается, и я дотягиваюсь до поручня второй рукой. В этот момент в аэростат врезается обломок шаттла и отбрасывает его вместе со мной ещё дальше от той траектории, по которой мы двигались. Я продолжаю держаться изо всех сил за поручни и понимаю, что от удара нас отбросило в противоположную сторону от Земли.

– Чёрт! Том, ещё немного! – парень в нижнем правом углу жмёт на сенсор своего смартфона с такой скоростью, с какой только может, и я понимаю, что аэростат выравнивается в полёте.

В этот момент я чувствую, как от перегрузки вращения я начинаю терять сознание.

– Том, я открою шлюз аэростата, забирайся!

Сразу после этих слов двери шлюза раздвигаются, но я понимаю, что мне не дотянуться.

Вращение ослабло, но мне с каждым мигмом становится сложнее держаться. Я слабею и понимаю, что нельзя терять время. Я подтягиваюсь с помощью правой руки в сторону шлюза и хватаюсь за дверной проём. Из-за вращения я как бы карабкаюсь по корпусу аэростата, его низ справа от меня. Затем хватаюсь за проём правой рукой и подтягиваюсь на обеих руках. Вращение ослабевает, и это играет мне на руку. Мне удаётся забраться в шлюз по пояс, но этого недостаточно. Тогда я отталкиваюсь одной ногой от поручня, это движение забрасывает меня внутрь. Меня прижимает спиной к корпусу аэростата по инерции вращения, и открытый шлюз

оказывается передо мной. В его проёме я вижу, как слева направо мелькает разломленный напополам шаттл в облаке своих запчастей и обломков. Через мгновение шлюз захлопывается, и я теряю сознание.

– Том, очнись. То-о-о-м!

Я слышу глухой голос этого парня, который никак не исчезает с моего экрана. Пытаюсь проморгаться. Передо мною приборные панели, какие-то датчики. Изнутри аэростат похож на бочку. Как алюминиевая банка из-под пива. Я опираюсь руками о корпус аэростата, переворачиваюсь на четвереньки и встаю на одно колено. Меня снова начинает мутить. Я облокачиваюсь одной рукой об корпус. Голос парня звучит глухо, я не понимаю, что он говорит. Секунду спустя слух восстанавливается, картинка перед глазами становится отчётливее.

– Том... Том, ты как? Ты в порядке?

– Сколько я был в отключке?

– Пару минут, Том. Тебе надо кое-что увидеть. Посмотри в иллюминатор.

Я мотаю головой, пытаюсь прогнать остатки помех в глазах. Опираюсь обеими руками о корпус и встаю во весь рост. Поворачиваюсь к шлюзу и вглядываюсь в прозрачное стекло иллюминатора. Вижу только черноту космоса, голубую Землю внизу и горящие обломки шаттла, входящие в атмосферу. У меня по телу пробегает холод, когда я понимаю, что две боеголовки Сатана-2 сейчас падают вместе с шаттлом.

– Началось, Том... – парень произносит слова дрожащим голосом, – война... Всё так, как говорил Брайн.

Я провожаю взглядом горящие обломки и не могу произнести ни слова. Я представляю последствия взрывов. Понимаю, что боеголовки могут упасть куда угодно. Я поднимаю глаза вверх и чувствую, как зрачки моих глаз расширились и холод пробежал у меня по спине. Надо мной медленно пролетало что-то вроде космической станции, только выглядела она более устрашающе. Сначала в глаза мне бросилось что-то, похожее на огромную чёрную трубу, которая отходит от самого основания станции, и я понял, что это что-то вроде дула. От самого её основания шла широкая лента, как на пулемёте, только вместо патронов у неё на расстоянии около десяти метров друг от друга были заряжены ядерные боеголовки. «Зевс».

– Господи Иисусе, да их там около двух десятков... – парень говорит эти слова почти шёпотом, но они пролетают мимо моих ушей.

Я замечаю, что эта чёрная лента, шириной около десяти метров, установлена на вращающемся механизме, как цепь на велосипеде. С одной стороны дуло, а с другой что-то вроде огромной шестерёнки, которая выходит из основания станции. Я понимаю принцип действия этой ленты – шестерёнка прокручивает ленту с боеголовками, и по одной доставляет их в дуло. Вся эта станция, окрашенная в чёрный цвет, работает как большой спусковой механизм. В остальном «Зевс» напоминает МКС – панели солнечных батарей и другие модули. Я начинаю считать количество боеголовок в ленте. Восемнадцать.

– Их восемнадцать... – говорю я.

– Именно, Том, теперь ты понимаешь, какой разрушительной мощью обладает Союз Девяти?

Я снова перевожу взгляд на падающие обломки шаттла и вижу, как они скрываются из вида, оставляя за собой тонкие огненные хвосты.

– Что теперь будет? – я задаю этот вопрос вслух самому себе. Я опускаю взгляд в пол и отворачиваюсь от иллюминатора.

– Ничего уже не поделаешь, но ещё есть шанс сделать так, чтобы не стало хуже.

– Пошёл ты... – произношу я еле слышно, – если бы не ты, всего этого не было бы. Этого не произошло бы, если бы ты не взломал сеть в моём костюме.

– А что бы было, Том, если бы я этого не сделал? Тебя бы пристрелили там вместе с твоими ребятами, и не окажись ты сейчас здесь, у нас не было бы вообще никаких шансов на то,

чтобы добраться до Откровения. Откровение, Том! Именно оно может всё исправить, остановить войну, которая вот-вот начнётся, перетянуть преимущество в силе на сторону тех, кто будет им обладать.

– А кто, по-твоему, будет им обладать? – Я задаю этот вопрос с сарказмом. – Я заберу Откровение, и что дальше? Какой у тебя план, чёрт возьми?

– Успокойся, Том, ты сам понимаешь, что вариантов у тебя немного. Ты можешь покинуть аэростат прямо сейчас и ничего не изменить. Или у тебя есть шанс помочь спасти миллиарды жизней. Да, мы не добрались до «Зевса». Но есть люди, которые могут многое изменить, если в их руках будет Откровение, а значит и власть, которой могут обладать лишь боги среди людей. Эти люди, Том, они тебе не враги, они твои друзья, и в будущем вы... Господи, это... это сложно...

– Что ты, мать твою, несёшь? Да кто ты такой вообще? – Я срываюсь на крик, начиная бить ладонью по корпусу аэростата, отчего он издаёт глухой звук. – Что вообще происходит?!

– Том, я постараюсь объяснить тебе всё по порядку... Для начала, Откровение Бога – это альфа и омега, начало и конец... Это невероятно сложно. Этот артефакт... он... он основа всего, что мы знаем, Том. Но времени до того, как Откровение Бога уничтожит всё живое, осталось немного. Если ты ничего не предпримешь, Том, погибнет всё... Я не просто так нашёл тебя, сейчас ты многого не понимаешь. Это необычайно сложно объяснить, но очень скоро ты всё поймёшь. Брайн... он пришёл ко мне, Том, он рассказал мне про моих родителей, – по лицу парня побежала слеза, и он сразу же вытер её рукой, – он рассказал то, что я хранил в себе много лет, то, чего я никому не говорил... Он сказал, что если ты не поверишь мне, то напомнить тебе про мать, Элизабет.

Эти слова пронзают меня. Я поднимаю голову. Успокаиваюсь за мгновение.

– Твоя мать, Том, – парень смотрит куда-то в сторону, пытаюсь спрятать слёзы, то и дело вытирает их, – она читала тебе сказки в детстве... Чёрт, забыл название... Что-то про птицу...

– Грифон, – шёпотом подсказываю я.

– Точно... Твоя мать была русской, Том. Когда она умирала, она позвала тебя к себе. Она сказала тебе перед смертью: «Всегда держись за то, что ещё осталось».

Эти слова мы произносим одновременно.

– Послушай, Том, это чёртово безумие, я знаю... Я сам не верю, что это происходит, но если не сделать то, что я тебе предлагаю...

– Я понял... – Я перебиваю его и поворачиваюсь лицом к иллюминатору. – Какой план?

– Да... гм... конечно... – парень замешкался, видимо, он не ожидал, что его слова так на меня действуют. – В общем, идея в том, чтобы ты спустился в указанную точку координат. У тебя за спиной в корпусе аэростата что-то вроде шкафчика на случай экстренной эвакуации, там есть парашют. Место, куда тебе придётся высадиться, – это что-то вроде огромной древней шахты, выходящей на поверхность. На самом дне шахты что-то вроде храма. Там целый город, я вышлю тебе план полёта и проложу тебе путь, он будет отображаться у тебя на экране. Через сорок секунд связь пропадёт, слепая зона, но я загрузил в аэростат и в твои очки всё, что нужно. Как только ты подлетишь близко к земле, связь восстановится, и я постараюсь вести тебя. На месте тебя эвакуирует... – связь прерывается.

Это было слишком. Он знал то, о чём говорила моя мать перед смертью. Я помню этот разговор. Он был последним.

Я слышу скрежет вращения земли. Слышу голоса десяти миллиардов людей под моими ногами. Это огромная карусель скоро сбавит обороты. Две боеголовки Сатана-2 вот-вот достигнут нулевой отметки в свободном падении, и мир затрещит по швам. Но есть шанс не допустить более тяжёлых последствий.

Одна секунда до прыжка.

«Держись за то, что ещё осталось».

Я делаю шаг.

В первую же секунду я набираю скорость. Датчик на экране показывает 147 км в час. Меня начинает вращать с бешеной скоростью, и перед глазами всё смазывается. Я не могу выровнять полёт, сопротивление слишком сильное. Я начинаю входить в атмосферу. 189 км в час. Костюм начинает нагреваться. От вращения и перегрузки я начинаю терять сознание. Если я отключусь, то у меня уже не хватит времени на то, чтобы прийти в себя в полёте и раскрыть парашют. 210 км в час. Я вхожу в атмосферу. Меня вращает в разные стороны, переворачивает. Я пытаюсь сгруппироваться и выровнять полёт, лечу головой вниз. Для уменьшения сопротивления сжожу ноги и прижимаю руки к телу. Шлем начинает раскаляться сильнее, и я вижу, как перед моими глазами, всего в сантиметре от них, обод моих очков начинает краснеть. Я чувствую через броню шлема, как лоб нагревается. 350 км в час. Цифры у меня перед глазами, показывающие скорость, начинают пульсировать красным, с каждой секундой к скорости прибавляется ещё пара десятков километров. Я едва могу терпеть жжение и понимаю, что ещё несколько секунд, и я сгорю, не долетев до земли. 380 км в час. Шлем и плечи костюма раскаляются добела. 410 км в час. Я пролетаю стратосферу, и костюм начинает слегка охлаждаться. На экране очков появляется пунктирная полоса, которая показывает мне траекторию полёта, путь до нужной точки координат. Передо мной открывается грозный вид тёмных клубов грозовых туч, которые мерцают, как гирлянда. Я вижу яркие вспышки молний, и лишь через пару секунд до меня долетают глухие раскаты грома. В просветах туч я замечаю зелёные леса и невысокие горы. 480 км в час. Я влетаю в тучи и, как игла, пронзаю огромное серое облако. На стекле очков появляются капли воды, которые начинают расползаться по нему в разные стороны. От сопротивления воздуха всё моё тело вибрирует. Я лечу через тучу. Одна из молний появляется прямо передо мной, я наклоняю вес тела вправо и меняю траекторию полёта, чтобы не поджариться. Это сбивает меня с курса, и я вижу, как красная пунктирная полоса на моих очках осталась справа. Я пытаюсь вернуться на траекторию, и в этот момент вылетаю из облака.

Передо мной открывается чудовищный вид огромной дыры в земле. Огромного кратера радиусом в несколько километров посреди зелёных лесов. Сквозь ливень и капли дождя, сползающие по стеклу очков, мне удаётся разглядеть целый военный город вокруг этого кратера. Базы, дымящие трубы заводов, полигоны с военной техникой, мерцающую полосу аэродрома, зенитные комплексы, противовоздушные пулемёты – всё это разрослось, как паутина, вокруг огромной дыры в земле, внутри которой не видно ничего, только мрак. Кратер был ровной круглой формы. По его краям был построен металлический обод, кольцо бледно-красного цвета шириной в сотню метров. 510 км в час. Я возвращаюсь на траекторию полёта. Высота – два километра. На экране моих очков одна из областей военного города выделяется красным. Следом на экране показывается модель строения крупнокалиберного пулемёта, который предназначен для отражения атак с воздуха. Это означает, что меня засекли радары, и та область, которая выделилась у меня на экране, готова к атаке. Внезапно я замечаю вспышки выстрелов, и яркая кривая полоса летящих крупнокалиберных пуль устремляется ко мне с земли. Она похожа на огромный раскалённый кнут, который извивается в воздухе, рассекая ливень. Сначала пули летят мимо, где-то слева. Следующие пули летят уже в меня. Я меняю траекторию, уворачиваюсь от огненной ленты и натываюсь на ещё одну. По мне палят длинными очередями. Одна такая пуля может пролететь сквозь меня как сквозь масло. Я меняю траекторию и ухожу влево. Полтора километра до поверхности. Я отклоняюсь от траектории, которая пунктирной линией уходит прямо в шахту, примерно на двадцать метров, и замечаю, как слева от кратера вторая зенитка начинает лупить по мне длинными очередями. Вдруг две длинные огненные ленты пересекаются крестом в воздухе прямо передо мной, и я уклоняюсь вправо. Пятьсот метров до кратера. 520 км в час, и третий крупнокалиберный пулемёт только начинает выпускать пунктирную огненную ленту, как я вместе с ливнем влетаю во мрак огромной шахты.

Стекло очков помогает сразу же привыкнуть к темноте. Я пролетаю ещё около километра вглубь бездонной дыры идеально ровной цилиндрической формы. Со всех сторон вниз тянется огромное количество проводов, некоторые из них сплетены в одну толстую жилу, как канат. По всей окружности вплотную к стенам этой шахты тянутся строительные леса, образующие этажи, соединённые между собой железными лестницами. Они мелькают мимо меня бесконечной очередью. Таким же бесконечным мне кажется моё падение в эту пропасть. Я замечаю, как огромная скважина впереди переходит в пещеру, которая идёт под землёй, как гигантский тоннель, под наклоном примерно в 45 градусов. Я понимаю это, когда виртуальный указатель пути на моём экране показывает поворот. Скважина шахты заканчивается, и я прислоняю руки плотно к бокам, а ноги прижимаю друг к другу. И как только влетаю в пещеру, в том месте, где она уходит вглубь под наклоном, я резко развожу руки и ноги в стороны. Между руками и туловищем и между ногами растягиваются перепонки. Я перехожу в полёт под углом 45 градусов, скорость сразу же падает до 125 км. в час, и я замечаю, что впереди, на самом дне пещеры, виднеются небольшие строения. Я вспоминаю, что парень в очках говорил что-то про город на дне пещеры. Я подлетаю всё ближе и понимаю, что это небольшие каменные прямоугольные хижинки с прямоугольными маленькими окнами, напоминающие строения в Мачу-Пикчу в Перу, выточенные прямо в стенах пещеры. Эти строения простираются на несколько километров вперёд, образуя огромный лабиринт из улиц, дорог, площадей и хижин. Я лечу над подземным древним и безжизненным городом. У меня не укладывается в голове, как всё это могло уместиться в одной пещере. Вся пещера и город подо мной бледно-серого цвета, как известняк, дома покрыты слоем пыли, некоторые из них разрушаются под воздействием времени. Этот город простирается на протяжении всего тоннеля пещеры. Я пролетаю так низко, что от моего полёта с плоских крыш хижин и домов поднимается пыль. Чем дальше я пролетаю вглубь пещеры, тем выше становятся строения. У меня на пути появляется небольшая башня прямоугольной формы. Уйти от столкновения в сторону не получится – сразу за башней пещера заканчивается, и у меня не будет шанса раскрыть парашют при повороте. Пунктирная линия траектории у меня на экране проходит через небольшое окно в башне. На долю секунды я прижимаю руки к туловищу, свожу ноги и влетаю в окно, которое оказывается шире меня лишь на пару сантиметров. На мгновение я замечаю, что за окном этой башни вниз идёт каменная лестница, и лишь поэтому окно напротив расположено ниже чем то, что прямо над лестничным пролётом, в которое я влетел. Я вылетаю из окна и в следующую секунду дёргаю за кольцо парашюта. С резким хлопком парашют раскрывается у меня за спиной, и скорость падает до 5 км в час. Я плавно пролетаю ещё пару десятков метров и касаюсь ногами небольшой каменной площадки. Резким движением отстёгиваю ремни парашюта и оглядываюсь. Город остался позади, впереди меня стена пещеры, и в ней треугольное, высотой около сотни метров, ущелье, из которого исходит мягкий, бледно-серый свет. Мне становится страшно от неизвестности. Я ещё раз оглядываюсь на серый каменный город. Он простирается по всей длине пещеры, уходит вверх к той огромной скважине. Тишина такая, что звенит в ушах. Я снова кидаю взгляд на ущелье и поворачиваюсь к нему лицом. Внезапно тишину прерывает видеозвонок. Вернее, один голос, без картинки:

– Том... Том, ты на месте?

– Да, – отвечаю я, всё ещё стоя на месте, не решаясь войти.

– На такую глубину сигнал проходит плохо, ты можешь лишь слышать мой голос, изображение не проходит...

– Да... Да, хорошо... – я запинаясь, потому что думаю сейчас совсем о другом.

– Я вижу изображение с твоей камеры, но с помехами. Что это за место?

– Это что-то вроде... Это ворота... – неуверенно отвечаю я.

– Том, у тебя две минуты до эвакуации, поспеши.

Я медленно делаю шаг и вхожу в высокое ущелье. По сырým стенам бегут тонкие струйки воды. Я двигаюсь медленно и осторожно. Свет становится менее ярким. Под ногами ровная дорога, вымощенная большими серыми камнями. Ещё через пару метров я выхожу из ущелья и замираю как вкопанный. Передо мной открывается огромный круглый зал диаметром примерно километр. Я поднимаю взгляд вверх и вижу, как четыре огромных статуи в виде людей в плащах с капюшонами подпирают круглый потолок высотой около двух километров. На потолке из камня вырезаны колесницы, армии людей с копьями, стрелы, летящие в воздухе, и бесчисленное количество других изображений. Стены зала украшены резными узорами со сценами культа. На одной из них я замечаю, как несколько сотен людей на коленях кланяются святыне прямоугольной формы. Под ногами у меня пол, вымощенный мелкой каменной мозаикой. На самом верху, в потолке, расположено круглое окно, ведущее на поверхность, из которого падает свет и поблёскивающие в нём капли дождя. Ровный столб света падает прямо в центр круглого зала на невысокий круглый пьедестал в виде ступеньки. На нём в полуметре от земли как бы зависло то, ради чего я здесь. Откровение Бога.

– Господи... Том... Том, это оно... – еле слышным шёпотом говорит парень.

Я не отвечаю. У меня перехватило дыхание. Не спеша я прохожу дальше и замечаю, что около стен зала на полу лежат останки людей. Скелеты, которые вот-вот рассыплются от одного прикосновения, замерли в разных позах. Некоторые остались стоять на коленях, другие застыли в момент поклона, головой к Откровению. Я замечаю, что таких останков в этом зале больше сотни, и все они на разных стадиях разложения, и чем ближе они к Откровению, тем лучше их состояние. Все эти останки как бы выстроились в очередь к пьедесталу. Я прохожу дальше, разглядывая всё по сторонам, и от размеров этого зала у меня захватывает дыхание. Я дышу через раз, чувствую, как ком встал у меня в горле. Я приближаюсь ближе к пьедесталу и замечаю, что здесь на останках появляются потрёпанные элементы одежды. На тех, кто находится ещё ближе к Откровению, на костях осталась сухая плоть, одежда на них менее потрёпанная. Я кидаю взгляд на артефакт. Металлический цилиндр повис в воздухе прямо под лучом света, падающим из окна в потолке. Капли дождя, не долетая до него, как бы расползаются по границе невидимой сферы вокруг Откровения. Эта сфера, радиусом около четырёх метров вокруг артефакта, отталкивает капли дождя. На полу под ним в пределах сферы нет ни пылинки. Я подхожу к пьедесталу и справа замечаю скелет человека, который ближе всех расположен к Откровению. Он замер на коленях и опирается на правую руку, левой рукой он тянется к артефакту, выставив ладонь вперёд, как будто хочет за что-то ухватиться в последний момент. На нём надето что-то вроде серого халата, почти нового. Плоть на его босых ногах коричневая, немного сгнившая. Но его лицо выглядит так, как будто он умер всего пару дней назад. Кожа на его голове бледная, на висках через неё видны бледно-зелёные вены, на макушке тёмные волосы. Кожа на левой руке, которой он тянется к Откровению, слегка бледная, а на ладони, которая замерла всего в сантиметре от сферы, она розовая, как у живого человека.

Я подхожу к невидимой сфере, которая заметна только потому, что по ней стекают капли дождя, и медленно поднимаю правую руку, чтобы попробовать прикоснуться к ней. Осторожно я прикасаюсь к ней, и рука проходит сквозь неё. Я медленно делаю шаг и оказываюсь в её границах, прохожу её насквозь. Я осматриваюсь, поднимаю взгляд вверх и смотрю, как капли, падающие сверху, не долетают до меня, они разбиваются о сферу, создавая брызги, которые слегка поблёскивают на свету, затем стекают передо мной, как по невидимой стене. Я оборачиваюсь. Чёрный матовый цилиндр бездвижно висит над землёй. Его резная поверхность больше всего похожа на металлическую. Я всматриваюсь в неё. Она выглядит, словно работа искусного мастера, который вырезал на ней все эти узоры, напоминающие чёрную чешую. Я пытаюсь взглянуть в эти узоры и различаю очень мелкие, едва заметные иероглифы. Весь этот артефакт состоит из трёх квадратных секций, две из которых по краям, та, что посередине, чуть

меньше. Весь его вид кажется настолько величественным и таинственным, что в этот момент я понимаю, почему люди дали ему это название.

– Том... Оно ждало здесь миллиарды лет...

Я не отвечаю. Я поднимаю руки вперёд, мои ладони всего в нескольких сантиметрах от Откровения, но я не решаюсь к нему прикоснуться. Меня посещает странное чувство, чувство тепла, и, наверное, уюта. Я как будто что-то вспоминаю, как будто этот артефакт – это... это моё. Это что-то такое, к чему я имею непосредственное отношение. Я как будто чувствую себя дома, чувствую, что я нахожусь на своём месте, что я должен сейчас находиться именно здесь, а не где-то ещё. Я не решаюсь коснуться его. Я осматриваю Откровение, стоя над ним.

– Возьми его, Том... Ну же!

Я подношу правую руку к верхнему краю артефакта, левую подношу к нижнему краю и прикасаюсь к Откровению. Оно тут же падает ко мне в руки, и я чувствую, что оно совсем ничего не весит, как пустая картонная коробка. Я держу его двумя руками, колени немного подгибаются, и меня посещает странное, но чистое чувство радости и восторга, я слегка улыбаюсь, как будто держу на руках своего новорождённого ребёнка. Я оглядываю его поверхность, она гладкая. Внезапно невидимая сфера исчезает, и капли дождя падают прямо на меня, я поднимаю голову, и они капают на стекло моих очков.

– Том... он тяжёлый?

– Нет, – с восторгом отвечаю я, – он почти ничего не весит...

– Я эвакуирую тебя, Том, пора!

Эти слова возвращают меня в реальность.

– Как? – спрашиваю я.

– Ха-х, хотел бы я знать! Сейчас и узнаем! Кстати, моё имя Бен Доккинс, но можешь звать меня Док.

– Так как ты собираешься меня отсюда вытащить, Док?

– Через три секунды, Том!

– Постой-постой, расскажи сначала, как? – немного удивлённо и нервно спрашиваю я, держа в руках Откровение.

– Две!

– Подожди!

– Одна!

И в этот момент за моей спиной раздаётся едва слышимый хлопок. Кто-то обеими руками хватается за плечи. В следующую долю секунды раздаётся ещё один хлопок, и вместо дневного света над головой у меня появляется тусклая лампочка. Я оказываюсь в небольшой комнате без окон, с окрашенными до половины в зелёный цвет стенами.

Глава 3

Максим Покровский

- А теперь расскажи мне всё, что ты знаешь.
- Что именно?
- Начни с самого начала. С чего начался твой день?
- Я проснулся у себя в квартире, затем мне позвонил мой друг...
- Что он сказал?
- Сказал, что намечается дельце.
- Что за дело?
- Банкомат на углу рынка. Инкассаторы там так и крутятся. Хотели прикарманить себе немного.
- И как? Получилось?
- А ты что, видишь у меня в руках кейс, набитый деньгами? Чёрт, ты же знаешь, что нет, зачем спрашивать? Раздался этот чудовищный взрыв, всё сгорело в мгновение ока...
- Что потом?
- А потом я потерял сознание и проснулся у тебя в вертолёте. Вы кто такие вообще?
- Ты что-то недоговариваешь.
- Что? Ты с ума сошёл? Самое время что-то скрывать, у меня на глазах вспыхнул целый город!
- А как ты уцелел после ядерного взрыва, Макс?
- Я не называл своё имя... Откуда ты знаешь его?
- Я знаю многое

Два часа назад. Иерусалим. Израиль

Её запах напоминает запах малины. Она стоит ко мне спиной и смотрит на меня через левое плечо. Она улыбается мне. На её белые волосы падают лепестки сирени. Её белое платье развивает лёгкий ветер. Я иду к ней по зелёной траве и знаю, что она ждёт меня. Я чувствую, что я там, где должен быть, чувствую, что я счастлив. Я подхожу ближе. Ветер доносит до меня её запах. Этот запах я не спутаю ни с каким другим, я могу узнать эту девушку из миллиарда других по этому запаху. Я чувствую, что в этом мире у меня нет никого ближе, чем она. Мне остаётся дойти до неё совсем немного, но внезапно я слышу звонок сотового телефона. Я просыпаюсь.

Звонок телефона будит меня, и я ещё немного ворочаюсь в кровати, прежде чем ответить на звонок. Я не хочу, чтобы этот сон заканчивался, не хочу, чтобы что-либо возвращало меня в реальность. Хочу остаться там, с той девушкой. Кто она? Я знаю её? Нет, не думаю. Но там, во сне, я испытал чувство, которое не испытывал ни к одной другой девушке. Я беру в руки телефон. На экране звонок с фотографией, с которой парень с банданой на лице и ирокезом озлобленно показывает мне два средних пальца. Панк, только не ты! Я не встаю с кровати, нажимаю кнопку и подношу телефон к уху.

- Да, – отвечаю я и, не успевая договорить, слышу полупьяную речь.
- У-у-у-й-и-и-у-у! Кто это, кто это, кто это-о-о? Может быть, это мистер Застенчивость, который упустил вчера в баре тех двух милых девушек из-за того, что был в стельку пьян?
- На себя бы посмотрел. От тебя перегаром несёт даже через трубку.
- Да-а-а, вчера мы переборщили... Чёрт, Макс, ощущаю себя неудачником. Ну, в смысле, нас... Нас ощущаю неудачниками. Понял? Ты тоже неудачник, как и я. Ненавижу себя. И тебя. Слышишь, русский? Ненавижу тебя тоже.

– Ты зачем звонишь мне вообще? – отвечаю я. Хочу сменить тему, чтобы не слышать этот бред про вчерашний вечер.

– Да, точно... Чёрт, а зачем я звоню тебе?

– Наверное, чтобы я послушал, как ты ноешь.

– Ах, да, точно. Но шутки в сторону, русский. Помнишь, пару дней назад я рассказывал, как в течение месяца я наблюдал за тем банкоматом на рынке Махане Йегуда?

– Да, конечно. Что с ним?

– Инкассаторы меняют деньги там каждый день, там куча туристов, банкомат крутит деньги постоянно. Сегодня четверг, через пару часов эти ребята приедут забрать деньги, я думаю, самое время урвать свой кусок. Что думаешь, русский?

– Дело верное? Сам-то как думаешь? – Я протираю глаза рукой. Перед глазами промелькнул кадр с белокурой девушкой с лепестками сирени в волосах.

– Ты что, русский? Ты серьёзно? Я когда-нибудь был не уверен в том, что предлагаю?

– Да. Например, вчера, в баре, когда ты предложил подкатить к тем двум красоткам.

– Хватит, русский. Так что, ты в деле?

– Кто ещё идёт? – Я пытаюсь сложить картинку этого дела, но мысли крутятся у меня в голове: вчерашний вечер, алкоголь, сигареты, девушки... Девушка, которая улыбается мне.

– Только мы двое, – отвечает Панк.

– Ладно. Где?

– Будь на рынке, не высывайся, я найду тебя, русский.

– Через двадцать минут, – отвечаю я. Панк так часто называл меня «русским», что я и не помню, когда он в последний раз называл меня по имени.

– О'кей, – отвечает Панк и обрывает связь.

Я бросаю телефон рядом на одеяло, пытаюсь прийти в чувство и закрываю глаза. Девушка. Да что это такое? Она не выходит у меня из головы. Этот сон был слишком реальный, я чувствовал ветер на лице, чувствовал её запах. Нужно отвлечься. Я протираю руками лицо и открываю глаза.

Прямо на потолке надо мной крутится люстра-вентилятор. В моей небольшой квартире прохладно, на часах уже полдень, и на улице уже стоит невыносимая жара. Я поворачиваю голову вправо, в сторону открытой двери на балкон, который выходит на затенённую сторону, и чувствую на лице лёгкий ветерок. Голова немного гудит от выпитого вчера. Я ловлю себя на мысли, что я совершенно спокоен перед делом. Это странно, ведь мы собираемся ограбить инкассаторов. Всё пройдет гладко, как обычно, ведь мы делали это и раньше. Я откидываю одеяло и сажусь на край кровати. Запах малины витает в воздухе. Нужно привести себя в чувство. Я ещё раз протираю руками лицо, взъерошиваю волосы, встаю с кровати и направляюсь в ванную. В глазах слегка темнеет. Я включаю свет и захожу в ванную, чувствую холод керамической плитки босыми ногами. Упираюсь руками в края круглой раковины, смотрю на себя в зеркало. Выгляжу как дерьмо. Белки глаз слегка покраснели, изо рта запах перегара, на лице щетина. Сколько я уже так? Рано или поздно нужно завязывать с таким образом жизни. В голову приходят воспоминания о том, как я рос в приёмной семье. Я был непослушным ребёнком. Это привело меня к тому, что я зарабатываю нелегально. Аферы, кражи, продажа наркотиков... Последнее, скорее, мелочное дело, но когда я «на мели», это выручает.

Эти мысли вновь перебивает воспоминание о девушке из сна. Такое чувство, как будто бы я влюбился. А знаю ли я, что это такое? Я открываю кран и умываюсь холодной водой. Это отгоняет мысли. Я снова смотрю на своё отражение. По лицу стекают капли воды. Нужно сосредоточиться на том, что говорил Панк. Деньги сейчас есть, но рано или поздно они закончатся. Мы воровали и раньше, но это дело на глазах у всей толпы...

Ещё пара минут, и я привожу себя в порядок, надеваю кофту с капюшоном и выхожу на улицу. Рынок в паре кварталов от меня. Я достаю из кармана пачку сигарет, достаю сига-

рету из пачки. Не спеша закуриваю. Серый, едкий дым перебивает последние остатки запаха малины. На улице жаркое солнце раскаляет древний город. Час пик. Я стою на тротуаре возле входа в двухэтажный многоквартирный дом, в котором я живу. С обеих сторон с разной скоростью двигаются туристы, по дороге не спеша проезжают машины. Я надеваю на голову капюшон и сворачиваю направо, иду между прохожими. Панк сказал, что дело несложное, а значит, волноваться не стоит. И всё же что-то слегка тревожит меня, странное предчувствие смешивается с чувством спокойствия и воспоминаниями из сна.

Сон. Почему я не могу выбросить его из головы? Я ловлю себя на мысли о том, что мне понравилось быть там, чувствовать её запах, с волнением смотреть на неё. Перед глазами у меня её лицо, она улыбается мне... Я врезаюсь левым плечом в прохожего парня, и это возвращает меня в реальность. Мы рефлексивно оборачиваемся друг на друга и, не сбавляя ход, смотрим друг другу в глаза. Худощавый парень, лет тридцати, с чёрными волосами и бородой, разговаривая по сотовому, строго посмотрел на меня и что-то проговорил. Я киваю ему, как бы прося прощения, оборачиваюсь и иду дальше. Затягиваюсь сигаретой. Серый дым закручивается по спирали у меня за спиной. Я иду в толпе по тротуару и перехожу дорогу по пешеходному переходу. По правой стороне тротуара на всю длину улицы растянулись палатки с сувенирами. Проходя мимо одной из них, я замечаю торговца в соломенной шляпе конической формы, который торгует старыми часами. Я прохожу мимо него, но не могу рассмотреть его лица из-за того, что шляпа закрывает его до переносицы и создаёт непроглядную тень. У него на прилавке несколько сотен часов – ручные, настольные, настенные – и у каждого свой, уникальный звук тикающей секундной стрелки. Часов так много, что их тиканье сливается в единый хор. Затягиваюсь горьким сигаретным дымом. Засовываю правую руку в карман джинсов, нащупываю там заточенную монету. Для карманных воров она служит как лезвие. Иду через толпу прохожих, кручу монету между пальцев правой руки. Около палатки с сувенирами я замечаю дамочку в бежевой шляпе с кожаной сумкой на плече. Затягиваюсь ещё раз, бросаю окурок на горячий асфальт. Подхожу сзади и становлюсь к ней спиной, держу монету между указательным и средним пальцем. Дамочка что-то спрашивает у продавца, тот не понимает языка, она тычет пальцем на медную статуэтку, пытается объяснить. Я завожу правую руку с монетой себе за спину, слегка хватаюсь большим пальцем и мизинцем за край сумки, и одним движением, от ладони, делаю надрез. Мне в ладонь сразу же падает бумажник. Я тут же сливаюсь, делаю пару шагов прочь и замечаю, как к дамочке подбегают двое детей – девочка лет шести и мальчик чуть младше. Я скрываюсь в толпе, но не могу оторвать взгляд от дамочки с детьми, вижу, как девочка берёт маму за локоть и показывает пальцем на соседнюю палатку, просит что-то купить. Я хладнокровно разворачиваюсь и иду дальше. Испытываю ли я чувство вины? Возможно. Я ловлю себя на этой мысли каждый раз, когда делаю что-то подобное. Обобрать богатенького или пьяного в баре – это одно, но обокрасть женщину с детьми... Когда я испытываю что-то подобное, я утешаю себя тем, что это продлится недолго, что скоро я завяжу с этим. И так каждый раз.

Закуриваю ещё одну. Дым в лёгких слегка задымляет чувство вины. Я ещё раз оглядываюсь, вижу, что людей вокруг стало больше, толпа стала гуще. Передо мной вход на рынок Махане Йегуда, который стоит здесь уже почти пятьдесят лет. Чем только не торгуют здесь – текстилем, фарфором, выпечкой, сувенирами и прочим хламом. Палатки расположены вдоль улицы, в два ряда. Над палатками натянуты разноцветные полотна, защищающие от солнца, они создают мягкую тень. Я останавливаюсь около входа и опираюсь левым плечом о фонарный столб. Жду Панка, как и договаривались. Достая украденный коричневый кожаный бумажник, растёгиваю металлическую кнопку, и открываю его. В глаза сразу же бросается небольшая, размером со спичечный коробок, фотография двоих детей. Они, улыбаясь, смотрят на меня. На фото они немного младше чем сейчас. За фотографией карманы для кредиток. Я пролистываю их, как страницы книги. Кредитки, визитки, водительское удостоверение, виза и про-

чье. Чёрт, тут половина её жизни. В кармане для денег триста пятьдесят долларов. И ради этого я обобрал женщину с детьми? У меня становится ком в горле. Я закрываю бумажник и оглядываюсь назад в толпу в надежде увидеть её. Внезапно меня кто-то трогает за правое плечо, я рефлекторно оглядываюсь и чувствую, что по моим ладоням что-то прошмыгнуло. Оборачиваюсь налево. Моя «добыча» уже в руке у Панка.

– Это твоё? – спрашивает Панк, потряхивая кожаным кошельком, держа его двумя пальцами правой руки. Я закатываю глаза и вырываю кошелек.

– Вор обокрал вора, представляешь, русский? – продолжает Панк, приподняв одну бровь.

– Здорово, – отвечаю я, и мы жмём друг другу руки.

– Ты готов, русский? Сегодня есть шанс сорвать неплохой куш.

Я оглядываюсь по сторонам, делаю ещё пару затяжек, выкидываю окурочек себе под ноги.

– Показывай, – отвечаю я и нервно оглядываюсь по сторонам.

– Вот он, чуть дальше, прямо около кафе, – отвечает Панк и кивает в сторону. Я смотрю сквозь оживлённую толпу,двигающуюся вдоль двух длинных торговых рядов, между двумя палатками замечаю кафе со столиками около входа. Рядом стоит банкомат.

– Какой план? – спрашиваю я, не отводя взгляда от банкомата.

– Инкассаторы придут примерно через десять минут, работаем как в прошлый раз.

– Трубка у тебя? – спрашиваю я, переводя взгляд на Панка.

– Ну конечно, русский, – протяжно отвечает Панк и достаёт из-под кожаной куртки прямую, похожую на бамбук костяную трубку. В длину она сантиметров сорок, бежевого цвета, сделана из слоновой кости. Панк передаёт её мне, и я тут же прячу её в левый рукав.

– Дротики, – говорю я и протягиваю правую руку.

Панк достаёт из кармана пластмассовую прозрачную обойму, в которой видны три чёрных дротика с красными маленькими перьями. Дротики расположены рядом друг с другом, обойма больше похожа на футляр размером с пачку сигарет, рядом с последним дротиком расположена пружина, которая после вылета одного дротика подталкивает следующий в трубку.

– Как в прошлый раз, говоришь? – спрашиваю я.

– Именно, русский, найди подходящую позицию, а я буду ошиваться неподалёку, действуем, как всегда. Будь начеку, если что-то не получится...

– Импровизируй, – договариваю я за Панка. Он кивает, хлопает меня по плечу и уходит в толпу. Я выжидаю несколько секунд и делаю то же самое.

Я иду через толпу, не касаясь прохожих. Под капюшоном моё лицо менее заметно, я сливаюсь с толпой, как капля воды с морем. Я подхожу к тому самому кафе, оглядываю банкомат и всё, что рядом с ним. Запоминаю каждую мелочь. Напротив кафе, чуть дальше, в палатке с коврами, я замечаю торговца лет сорока, в лёгком халате. Я понимаю – мой клиент. Подхожу к его палатке, начинаю оглядывать ковры, делаю вид, что интересуюсь. Продавец, улыбаясь, что-то спрашивает у меня на своём языке, я указываю пальцем на небольшой ковёр на прилавке, смотанный в рулон:

– Сколько стоит?

Он не понимает меня, я не понимаю его. Это и не надо. Он нагибается над прилавком и тянется к ковру, на который я указал. В этот момент я быстрым движением бью его в сонную артерию. Продавец без сознания падает под прилавок. Я захожу в палатку и вешаю верёвку с надписью «Закрито» от одного конца палатки к другому. Продавец оклемается минут через пятнадцать, из-за прилавка его не видно. Я прохожу к дальней стенке палатки и замечаю за занавеской вход в комнату, похожую на кладовую. В ней рулонами свёрнуты десятки ковров, все они для экономии места стоят вертикально. Я осматриваюсь и понимаю, что между палаткой и кладовой нет стены, есть только занавес из висящих ковров. Я подворачиваю один из них, и в тёмную кладовую, через узкую щель между ковров, врывается свет. Я сваливаю на пол пару ковров и удобно присаживаюсь на них. Узкая щель оказывается у меня перед лицом. Я достаю

из рукава костяную трубку, из кармана обойму с дротиками. У обоймы есть также небольшая трубка с резьбой, которая прикручивается к костяной и является её продолжением. Получается что-то вроде оружия для охоты с тремя зарядами. Сидя в темноте и наблюдая через щель между коврами за банкоматом, я просовываю в неё костяную трубку. Обойма с дротиками с моей стороны, у моего лица. Я наблюдаю за прохожими пару минут и замечаю, как справа, между палатками, на дорогу выезжает металлическая тележка с хот-догами. Рядом с продавцом, который толкает её вперёд, маячит Панк, пытаюсь что-то объяснить ему. Продавец не понимает Панка, а тот продолжает заговаривать продавцу зубы. Я вижу, как Панк протягивает продавцу купюру и указывает на бутылку минералки на тележке. Продавец суёт купюру себе в карман на фартуке и отдаёт бутылку Панку. Тот снова начинает что-то объяснять продавцу, и в этот момент из толпы появляются два инкассатора с сумкой. Оба одеты в чёрную форму, на обоих бронежилеты. Они не спеша проходят через толпу мимо Панка с продавцом и подходят к банкомату. Один становится спиной к банкомату, другой достаёт ключи, присаживается на одно колено рядом с банкоматом, открывает ключом боковую дверцу. Панк не обращает на инкассаторов никакого внимания, продолжает спорить с продавцом. Показывает пальцем на сосиски, которые крутятся на электрической печи. Я прислоняюсь губами к трубке и прицеливаюсь в того инкассатора, который стоит спиной к банкомату, делаю глубокий вдох. Выжидаю секунду, которая замедляется и растягивается на годы. Резко выдыхаю и вижу, как дротик красной точкой летит между головами туристов, мимо затылка продавца, с которым спорит Панк, и попадает инкассатору в шею. Он хватается за место ранения и его начинает шатать. Я вижу, как он немного морщится, у него начинает мутиться в глазах, колени подкашиваются. Пружина досылает следующий дротик в трубку, и я, не теряя времени, делаю глубокий вдох и произвожу второй выстрел в спину второму инкассатору. В этот момент на землю без сознания падает первый. В следующую секунду Панк, как бы случайно, проливает минералку на электропечь, раздаётся шипение, пар образует облако и скрывает обоих инкассаторов от глаз прохожих. Продавец кричит на Панка, размахивает руками, машет картонкой на электропечь, пытаюсь развеять облако пара. Пар окутывает банкомат, столики у кафе, тела инкассаторов. Продавец продолжает что-то выкрикивать, ищет глазами Панка, но его уже нет. Я понимаю, что и мне пора уходить. Выхожу из кладовой, перешагиваю через продавца ковров, подлезая под верёвкой и сливаюсь с потоком прохожих. Замечаю, как в клубах пара Панк берёт в руки сумку с деньгами, затем делает пару ловких шагов, запрыгивает на банкомат, а затем на козырёк входа в кафе. Я привык видеть такие трюки, но каждый раз удивляюсь ловкости Панка как в первый раз. Всё это происходит вне поля зрения прохожих. Панк делает пару шагов по козырьку и перепрыгивает на крышу одной из палаток. Я разворачиваюсь и ухожу прочь. Пар рассеивается, и прохожие замечают тела инкассаторов, подходят к ним, щупают пульс, кто-то звонит в полицию, один из прохожих вызывает скорую. Я двигаюсь в потоке туристов и слегка оглядываюсь на Панка. Тот спокойным шагом идёт по крышам палаток, доски слегка скрипят у него под ногами. Из-за разноцветного занавеса, натянутого над палатками и создающего тень, Панка почти не видно. Плюс палатки довольно высокие, и их крыши не попадают в поле зрения толпы. Я оглядываюсь на людей, столпившихся над телами инкассаторов, и замечаю, как среди них уже стоят полицейские и что-то передают по рации. Панк идёт по крышам палаток параллельно мне, слева от него стена здания, у него над головой разноцветный занавес. Он слегка разбегается, поворачивает к стене и двумя лёгкими шагами взбирается по ней, хватается за выступ одной рукой, второй держит чёрную сумку, подтягивается рывком и исчезает за разноцветным занавесом. Пару секунд спустя я в последний раз оглядываюсь на то место, где Панк забрал деньги, и сквозь толпу замечаю, что продавец ковров, держась за шею, стоит рядом с полицейским и указывает пальцем прямо на меня. Тот тут же что-то передаёт по рации. Я понимаю, что рынок вот-вот будет оцеплен, пора убираться отсюда. Я срываюсь с места и, расталкивая прохожих, бегу мимо палаток. Слышу за спиной свисток полицейского, из-за него

толпа расступается передо мной, и я понимаю, что в любой момент кто-нибудь из прохожих может подействовать полицейскому и сбить меня с ног. В толпе оставаться опасно. Я пробегаю через толпу и вижу впереди себя перекрёсток, слева из-за поворота выезжает скутер с прицепом и преграждает мне путь. В прицепе скутера деревянные ящики. Куда дальше? Влево? Вправо? Я разбегаюсь ещё быстрее, и в тот момент, когда скутер проезжает передо мной, делаю пару шагов по стенкам ящиков, запрыгиваю на них и одним прыжком перепрыгиваю на крыши палаток. Прохожие смотрят на меня, я привлекаю слишком много внимания. Разноцветный занавес у меня над головой заканчивается, и я замечаю, как по крыше здания, слева от меня, по самому краю бежит Панк. Он машет мне рукой, как бы подзывая к себе. Я следую его указаниям. В этот момент ряды палаток заканчиваются, и я спрыгиваю на горячий асфальт тротуара за палатками. Позади всё ещё слышится задыхающийся свисток полицейского. Выбегаю на оживлённую дорогу, с другой её стороны находится трёхэтажное здание, на крыше которого ждёт Панк. Двухстороннее движение. Слева не спеша едет легковая машина. Справа, по встречной, едет фура. Я с разбегу запрыгиваю на крышу легковой машины, когда она проезжает мимо меня, затем делаю прыжок, руками цепляюсь за прицеп фуры, толкаюсь ногами и запрыгиваю на него. Передо мной кованый балкон здания, дверь на него распахнута. Я делаю ещё один прыжок и цепляюсь руками за карниз балкона. В этот момент на него с крыши падает Панк, приземляется на ноги. В руках у него чёрная сумка. Он тут же забегает в открытую дверь и скрывается за шторой. Я перелезаю через карниз балкона, и в этот момент из-за белой шторы я слышу женский крик. Ныряю за штору вслед за Панком и оказываюсь в небольшой спальне. На кровати лежит голая девушка и прикрывается лёгким белым одеялом, рядом с ней с недоумевающим лицом лежит голый парень и не может произнести ни слова. Панк стоит около кровати перед ними и демонстративно держит указательный палец у своих губ. Я, не теряя ни секунды, пробегаю прямо по кровати по направлению к двери в коридор, Панк с улыбкой срывается за мной. Я с разбега вышибаю дверь правым плечом, она с грохотом распахивается. Я оказываюсь в узком коридоре, на полу длинная, узкая ковровая дорожка, путь только либо влево, либо вправо. Выбираю бежать вправо. Панк за мной. Мы пробегаем ещё метров десять вдоль коридора, и я вижу ещё одну дверь. На дверной ручке жёлтая табличка «Не беспокоить». Разбегаюсь сильнее. Когда до двери остаётся около метра, делаю прыжок и вышибаю дверь плечом. Мы оказываемся в почти темной комнате с занавешенными окнами, прямо передо мной выход на балкон. Справа от нас диван, на котором спиной к нам два подростка, перед ними на стене висит телевизор. В комнате полно дыма и жутко воняет травой. Ребята едва успевают оглянуться, как мы с Панком вылетаем на балкон. К балкону привязана бельевая верёвка, которая тянется к зданию напротив. Слева от меня между невысоких жилых домов такие верёвки натянуты над головами прохожих до самого конца улицы. Я запрыгиваю на одну из них. Панк выжидает секунду, пока я не перепрыгну на другую верёвку, чтобы на ней был вес только одного человека. Перепрыгиваю на другую, за мной то же самое повторяет Панк. Мы бежим вдоль улицы, перепрыгивая с одной бельевой верёвки на другую, делая по одному шагу на каждой. Кто-то из прохожих замечает нас и показывает на нас пальцем, щурясь от солнца. На верёвках кое-где развешаны вещи. Я перепрыгиваю на очередную верёвку и спугиваю сидящих на ней голубей. Они, хлопая крыльями, пролетают между мной и Панком.

– Ещё немного! – кричит мне запыхавшийся Панк.

Я замечаю, что очередной балкон справа от меня открыт, и одним прыжком перепрыгиваю на него, забегаю в квартиру, следом за мной залетает Панк. В квартире никого. Из мебели только двуспальная кровать, две тумбочки по бокам, справа от меня дверь на кухню, рядом с ней, напротив кровати, небольшой шкаф. Квартира однокомнатная.

Мы останавливаемся. Я опираюсь ладонями о колени, Панк кидает сумку на кровать. Мы пытаемся отдышаться. Переглядываемся. На наших лицах появляется улыбка. Начинаем негромко хохотать.

- Что там было? В дротиках? – спрашиваю я, – они там хоть живы?
- Думаю, да, – улыбкой отвечает Панк, и обходит кровать с другой стороны.
- Думаешь? – улыбка на моём лице слегка угасает.

Панк падает спиной на кровать. Делает глубокий выдох.

- Успокойся, русский, жить будут.

Я распрямляюсь во весь рост. Опрокидываю голову, сердце бешено колотится, но пульс постепенно восстанавливается.

- Всё прошло не так гладко, как ты думал, Панк.

Панк протирает лицо ладонями, резко встаёт с кровати и подходит к входной двери.

- Ну подумаешь, не учёл какие-то мелочи, – отвечает Панк и смотрит в глазок двери.

В эту секунду дверь вылетает и падает прямо на Панка. В квартиру вбегает боец спецназа, в чёрной униформе, в тяжёлом бронежилете, с металлическими латами на плечах и на коленях. На лице противогаз, в руках тяжёлый, чёрный спецназовский таран. Боец во всей этой экипировке весит под тонну. Следом в квартиру влетают ещё трое бойцов, все вооружены до зубов, лиц за стёклами противогазов не видно, у всех автоматы. Самый первый бросает на пол таран и достаёт из кобуры пистолет. Таран при падении издаёт такой звук, что от него дрожат стены. Я поднимаю руки вверх и присаживаюсь на одно колено. Тот, что с пистолетом, подбегает ко мне и бьёт меня коленом в грудь. Я падаю на спину, в глазах темнеет, я ловлю ртом воздух, но не могу сделать и вдоха. Затем боец хватается за шиворот и переворачивает, я падаю на живот, головой в сторону Панка. Я вижу, как один из бойцов достаёт его из-под двери, переворачивает на живот и заламывает ему руку, Панк вскрикивает от боли. Другой целится ему в голову. Тот, что с пистолетом, у меня за спиной. Четвёртый целится из автомата в меня. Спецназовец, который ударил меня, упирается коленом мне между лопаток.

- Максим Покровский?! – спрашивает он.

У него в противогазе микрофон, меняющий голос, из-за которого тот звучит, как запись в зажёванной плёнке.

Не дожидаясь ответа на свой вопрос, он задаёт следующий:

- Что ты помнишь из своего прошлого?!

В глазах у меня всё плывёт. Жуткая боль в груди, дышу через раз. Я сосредотачиваю всё внимание на Панке. Он не смотрит на меня, его лицо сморщено от боли, зубы оскалены.

- Что ты помнишь из своего прошлого?! – повторяет боец.

После двух секунд моего молчания он встаёт, прячет пистолет в кобуру, хватается за шиворот, другой за ремень джинсов и кидает меня через всю комнату. Я всем весом своего тела пробиваю гипсокартонную стену и вылетаю на кухню. Приземляюсь на спину, жуткая боль пронзает грудь. Вокруг меня на холодном кафеле разбросаны обломки гипсокартонной стены, несколько персиков и сковорода. Боец входит на кухню через проделанную мною дыру в стене и снова достаёт пистолет. Перезаряжает. Я переворачиваюсь на живот, пытаюсь встать на ноги. Безуспешно. Тяжёлая нога прижимает меня к холодному полу. Боец наклоняется надо мной.

- Что ты помнишь из своего прошлого?! – повторяет он.

Я не могу ответить ни слова. Вопли Панка доносятся из соседней комнаты.

Боец прижимает меня ногой ещё сильнее. Боль становится невыносимой. Я поворачиваю голову, мой взгляд падает на глубокую сковороду, лежащую на полу, и я замечаю, как она слегка подпрыгнула, буквально на сантиметр, издав характерный звук удара об кафель.

- Отвечай! – кричит боец.

Сковорода подпрыгнула ещё раз, как будто она лежит на огромном, мощном динамике. Боец производит четыре выстрела в пол рядом с моей головой. У меня начинает звенеть в ушах. Гильзы падают перед моим лицом на кафель, но я не слышу ни единого звука. Я чувствую, что мой пульс почти на пределе. Крошки гипсокартона вокруг меня разлетаются в разные сто-

роны, как будто на них подул ветер. Гильзы, подпрыгивая буквально на сантиметр, начинают скакать вокруг меня. Скворода прыгает на месте как заведённая, издавая звонкие звуки удара о кафель. Боец, стоящий надо мной, делает шаг назад. Он смотрит на меня сверху, я лежу на животе. Он видит, как вокруг меня пляшут гильзы, как крошки гипсокартона летят во все стороны.

– Мы не ошиблись, – шёпотом говорит он, – мы нашли его.

Скворода продолжает прыгать на месте и внезапно переворачивается дном вверх, звук становится более глухим. Я чувствую, как кисти рук охватывает жар, пульс становится невыносимо быстрым, я вижу всё вокруг в более ярких красках. Я переворачиваюсь на спину и вижу, как боец, стоящий прямо надо мной, целится мне в голову. Я поднимаю правую руку, как бы прикрываясь. Боец нажимает на спусковой крючок, в квартире раздаётся громкий звук выстрела. Но я не чувствую боли. Пуля останавливается перед моей правой рукой прямо около ладони и продолжает крутиться. Другой боец, тот, что в комнате, замечает это, бросает автомат, хватается за тяжёлый таран и рывком поднимает его с пола. Боль в груди не стихает, пульс невыносимый, жар охватывает моё лицо. Я скалю зубы от боли, поднимаю левую руку ладонью вперёд, и боец передо мной медленно поднимается в воздух, его ноги отрываются от пола. Он стреляет в меня ещё три раза, болтаясь в воздухе как перевёрнутый таракан, но пули останавливаются, едва вылетев из дула пистолета. Я делаю резкое движение рукой влево. Боец с такой же скоростью отлетает влево и вминается в холодильник до самой задней стенки. Я слышу крик Панка и смотрю в его сторону. В этот момент другой боец уже стоит рядом со мной, заносит таран и бьёт меня им со всего размаха в голову. Ударная часть тарана, не долетев до меня, как будто ударяется о невидимую сферу и со скрежетом мнётся. Боец сразу же наносит ещё один удар, и ударная часть тарана с ещё более громким скрежетом мнётся гармошкой. Я выставляю правую руку ладонью вперёд по направлению к бойцу, резким движением отвожу руку вправо, и боец вместе с тараном вылетает в окно. Я встаю на четвереньки, дышать всё ещё тяжело. Смотрю в сторону Панка, он кричит от боли. Ему завели руку за спину и придавили шею коленом. В этот момент третий боец выстреливает в меня из автомата целую обойму, раскалённые пули останавливаются у моего лица и ещё некоторое время продолжают крутиться. Я ползу на четвереньках в сторону Панка. Боец перезаряжает автомат, пули передо мной падают на пол. Боец от страха замешкался с новой обоймой. Другой боец сидит у Панка на спине, держа одной рукой пистолет у его головы, другой рукой заламывает ему руку. Я ползу медленно, боль пронзает всё моё тело, я хватаю ртом воздух, касаюсь голыми ладонями раскалённых пуль. Боец присоединяет новую обойму, дёргает затвор. Я выставляю левую руку вперёд и делаю резкое движение влево. Боец с автоматом пролетает через всю комнату и вылетает с балкона.

– Остановись! – кричит последний боец, в его голосе слышится ужас. Я продолжаю ползти в его сторону.

– Остановись, или я убью его! – продолжает боец и делает выстрел. Пуля застывает в сантиметре от головы Панка.

Поняв, что козырей больше не осталось, боец отпускает руку Панка и достаёт рацию, которая была прикреплена у него на поясе, подносит её к микрофону и произносит свои последние слова:

– Хранитель, мы его упустили.

После этого я выставляю левую руку вперёд ладонью вверх и делаю лёгкое движение. Боец с силой подлетает вверх и вминается шеей в бетонный потолок на несколько сантиметров, затем падает рядом с Панком замертво.

Я полностью обессилел, не могу удержаться даже на четвереньках, переворачиваюсь и падаю на спину.

Слышу, как Панк кашляет, ползёт в мою сторону.

– Что это было, русский?

Я не отвечаю, пытаюсь отдышаться, боль медленно отступает, жар спадает.

– Как ты это сделал? Я видел, как ты раскидал их. Как ты... Как ты это сделал?

– Я не знаю... – еле слышно отвечаю я, – я что-то почувствовал.

– Кто они такие?! – срывается Панк и садится на колени рядом со мной.

За окном вдалеке слышен звук полицейской сирены.

– Чёрт, пора убираться, русский.

Панк хватается за плечи и помогает встать. Я с трудом держусь на ногах, перед глазами всё плывёт. Панк закидывает мою левую руку себе на шею, хватается сумку с деньгами, и мы, прихрамывая, выходим через проём, в котором была входная дверь. Выходим в коридор, сворачиваем на лестницу. Из соседних квартир выглядывают жильцы дома. При виде нас некоторые прячутся обратно в свои квартиры и запирают дверь на замок. Выходим через чёрный вход на задний двор. Как можно быстрее проходим через пустую детскую площадку. Настолько быстро, насколько позволяет моё состояние.

– Так кто они такие, русский?

– Не знаю, но они пришли не за деньгами. Деньги им были не интересны, они, наверное, даже не знали про них. Даже не обыскали сумку.

– Что он там спрашивал насчёт твоего прошлого?

– Если бы я знал... – отвечаю я. Мы выходим на тротуар и снова попадаем в толпу прохожих. Сворачиваем направо и двигаемся вдоль улицы. Слева от нас дорога с оживлённым движением. Жара невыносимая. Стараемся идти не спеша, но прохожие всё равно обращают на нас внимание из-за моего состояния. Внезапно сзади на Панка набрасываются двое полицейских, я теряю равновесие, и мы оба падаем. Полицейские заламывают ему руки и поднимают на ноги. Сумка с деньгами лежит рядом. Внезапно на улице становится светлее, как будто на небе загорелось ещё одно солнце. Я смотрю вверх и вижу, как голубое небо пересекает огненная полоса. Какой-то объект, похожий на комету, высоко, километрах в двух, с бешеной скоростью пролетает над городом. Он летит примерно пять секунд, освещая Иерусалим своим светом, и я вижу, как он, оставляя в небе огненный след, уходит за линию горизонта. В эту секунду всё замирает. Исчезают все звуки. Звонящая тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.